Иван Александров

Пучок калины

Д6-435 (МБ)

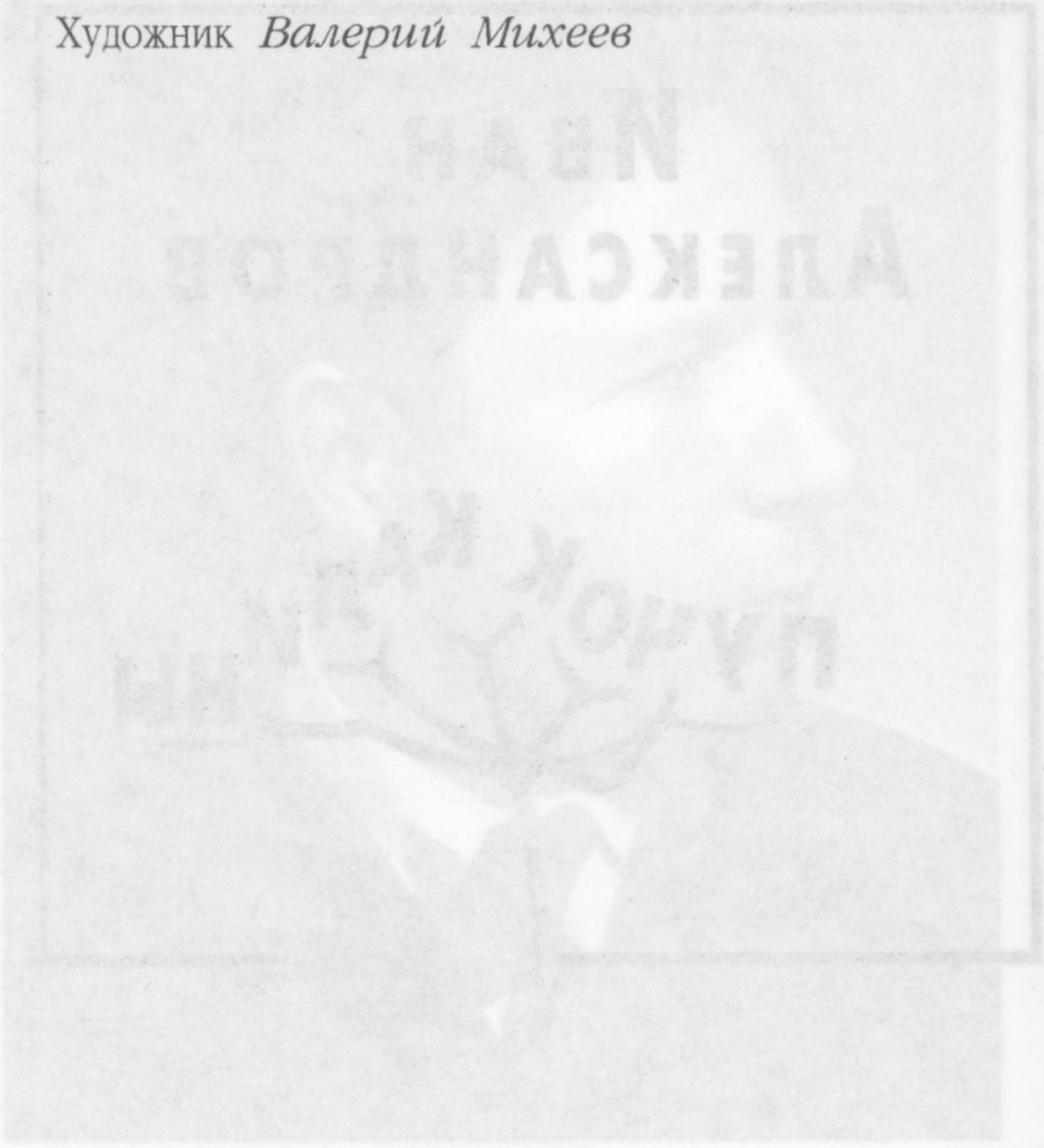
Иван Александров

РФ Орловская обл., г. Мценск
Центральная библиотека
им. И. А. Новикова

ББК 84(2р)6
А-46

Художник *Валерий Михеев*

ISBN 5–87295–130–0

Зеленый холм

УГОЛОК

Эле

Не провожай меня в дорогу
И не гляди с тревогой вслед.
Я попрощаюсь у порога
И заспешу в сырой рассвет.

Теперь в любые дни недели
Столпотворение у касс.
С утра клубится от безделья
Заблудший и несчастный класс.

Темно на МЗАЛе и на ЗИЛе,
Затихли дружные шаги.
Людей от дела отлучили,
Отбили руки и мозги.

Им наплевать на все реформы
И прохиндейские дела.
Непредсказуемо-покорно
Русь закусила удила.

Но в царстве смуты и раздора,
Среди предательства и склок
Есть у меня своя опора,
Свой суверенный уголок.

Меня всегда нетерпеливо
Деревня-матушка зовет
В свои луга, в свою крапиву,
В отцовский сад и огород.

Еще не ослабели руки,
Еще завистливы глаза.
Не заржавеют тут от скуки
Топор, лопата и коса.

За этот берег, слава Богу,
Я неприкаянно держусь.
Не провожай меня в дорогу,
Не провожай — не заблужусь.

ЗЕМЛЯ

От колыбельки избяной
И до скончанья века
Была священной и родной
Земля для человека.

Пока мужик стоял на ней,
Расставив цепко ноги,
Он был силен, как сам Антей,
И деловит, как боги.

Чтоб выбить землю из-под ног
У деда и старухи,
Решили ныне — видит Бог! —
Ее всучить им в руки.

— Отдайте землю мужику —
Без платы и без меры! —
Кричат глухому старику
Лжецы и лицемеры.

Что будет делать он с землей
Без лошади и плуга?
Покроет голову золой
Коварная услуга.

Земля кругла и тяжела —
Не удержать руками.
Давай разматывать дотла
Кусками и клоками.

Стоит мужик у большака
Под взглядами косыми.
Уже пускают с молотка
И землю, и Россию!

ЖИВЫЕ ЗЕРНА

Мой дед всю жизнь пахал и сеял,
Не вылезая из села:
Мол, только б матушка Расея
Светло и радостно жила.

Я горд, что он корпел упорно,
Что не жалел для нас горба,
Что зреют дедовские зерна
В колосьях нашего герба.

В тех зернах крепь моей державы,
Ее достоинство и стать,
И никакой орел двуглавый
Их не способен расклевать.

* * *

Несерьезный человек —
Матерюсь и плачу:
Дед горбячил целый век,
Сам теперь горбячу...

А чужак вином пропах,
На висках испарина.
Весь в долгах и весь в репьях,
Ну а корчит барина!

За какие же грехи,
Ваше благородие,
Выше крыши лопухи
У меня на родине?

Заслонили в окнах свет
Заросли дремучие.
Хаты есть — хозяев нет:
Жили и отмучились.

Снова смута и разор,
Вновь шумят витии,
Продолжая глупый спор
О путях России.

Не могу никак понять
Дуру непутевую:
Сколько можно козырять
Старою паневою?

МОЛЬБА

Георгию Победоносцу

Заклубились возле трона
Вероломство, блуд, обман.
Порази копьем Дракона,
Заступись за христиан.

Исцели сердца и нравы
В эти горестные дни:
Напусти росу на травы,
Землю словом отомкни.

Зашумит, волнуясь, нива,
Закричат перепела,
А на взгорке торопливо
Припадет к цветку пчела.

Улыбнется солнце людям,
Даст побеги старый пень.
Даже бабушка забудет,
Что такое Юрьев день.

Снова станет Русь великой
И заметной за бугром.
Порази Дракона пикой
И стточенным пером!

ПОБИРУШКА

Открытая любому
Сочувствию и злу,
Брела от дома к дому
И от села к селу.

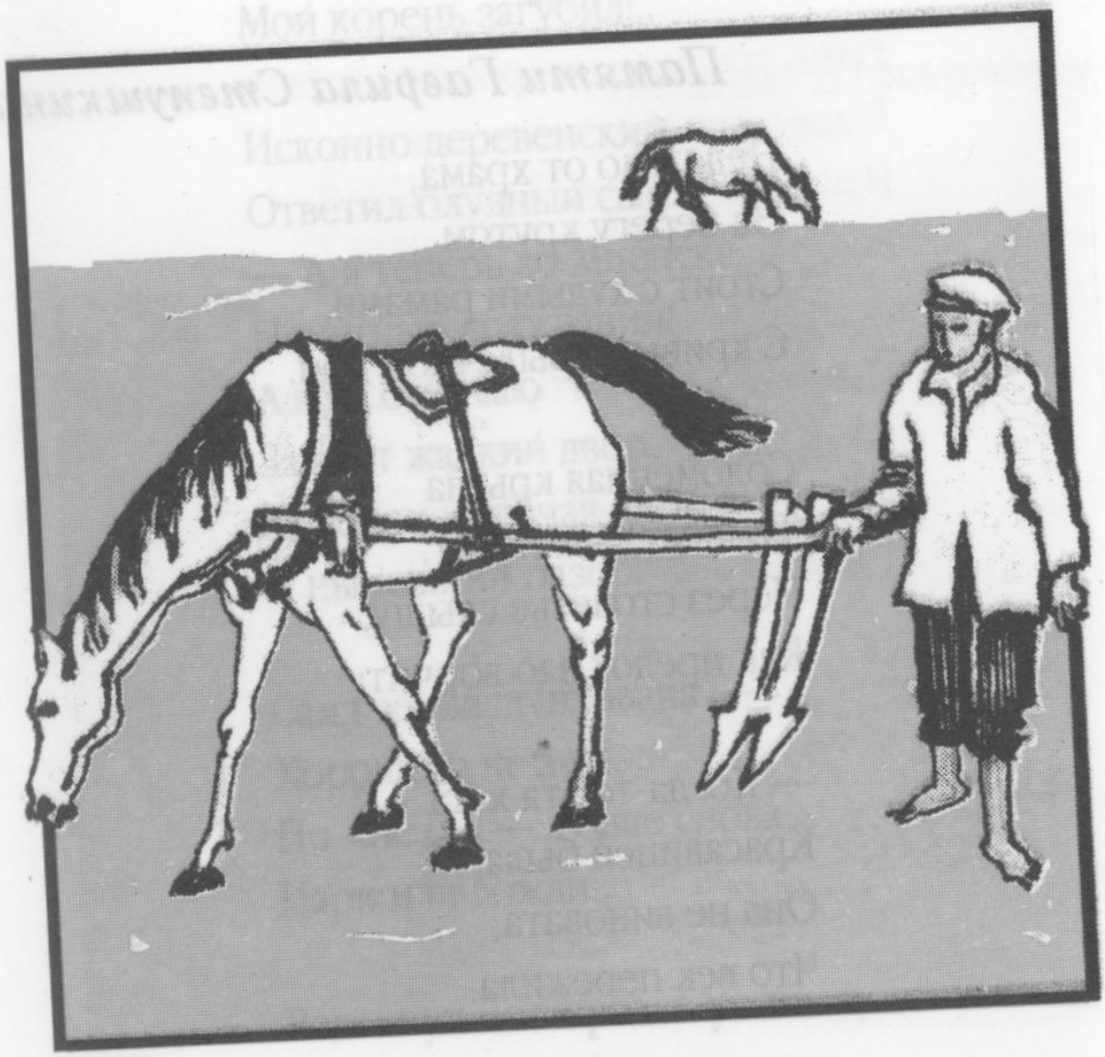
Полынная дорога,
Холщовый сумарёк.
— Подайте ради Бога! —
И прятала кусок.

У тихого оврага,
Где шепчется лоза,
Ей встретился парняга
И заглянул в глаза.

Машутка одарила
Емельку сухарьком.
Он улыбался мило,
Шагая с ней вдвоем.

Я шел за ними следом,
Неотделим, как тень.
Емелька стал мне дедом
В один прекрасный день.

Легенда сохранила
Его счастливый взгляд.
А было это, было
Всего сто лет назад!

РФ Орловская обл., г. Мценск
Центральная библиотека
им. И. А. Новикова

ВЗВОДНЫЙ

Памяти Гаврила Степушкина

Недалеко от храма,
На берегу крутом
Стоит с худыми рамами,
С кривым крылечком дом.

Соломенная крыша
Темнеет меж ракит.
Через столетье слышу,
Как предок зло ворчит:

— Когда-то эта хата
Красавицей была.
Она не виновата,
Что век пережила.

Ее года сразили,
Оставив горький след.
Теперь во всей России
Срамней халупы нет.

Я звался гордо: «Взводный!»
Я всюду первый был.

А ты, летун безродный,
Мой корень загубил!..

Исконно деревенский,
Ответил блудный сын:
— А я теперь во Мценске
Почетный гражданин!
А я не отвечаю
За этот жалкий двор,
За дебри молочая
И нынешний разор.

Сама земля шунтована —
Хорошего не жди.
По мне бы — лучше снова
Цари или вожди.

Вздохнул мой предок родный,
Метнул лукавый взгляд:
— Вам нужен просто взводный,
А не хмельной гарант!

* * *

Было тридцать дворов под солому
В довоенной деревне моей.
В половодье от каждого дома
Выбегал на дорогу ручей.

Только в памяти горькой остались
Эти тридцать соломенных хат.
А ручьи по морям разбежались
И уже не вернутся назад...

ПОРТРЕТ

Николаю Шавыркину

Картинно и былинно
Глядит цветной портрет.
А тетки Акулины
Давно на свете нет.

Дорогою неровной
В лихие времена
Она таскала бревна,
Носила семена.

Восторженный калека
Глазел, разинув рот:
— Гляди-ка: «студебекка»
Полстога волокет!

А тетка поневоле
Грабастала мешком
То свеклу в дальнем поле,
То в ближней яме жом.

Тащила по привычке,
А больше — по нужде

Матерая мужичка
И ангел во Христе.

В заботах и тревоге
Жила бы до сих пор,
Да подкосились ноги
И отказал мотор.

Опять шучу жестоко,
А в горле — горький ком,
Что тетка раньше срока
Ушла в металлолом.

ПОЧЕТНЫЙ КАРАУЛ

Три полосы-полоски
Сажали за рекой.
Три саженца-березки
Унес мужик домой.

А ведь законы были
Крутые у «совков».
Случалось, что судили
За горстку колосков.

Никто вора не выдал,
Никто не доказал.
Мужик был сущий идол,
А все же не шакал.

Такое выбрал место,
Что не найти светлей:
— Пускай растут невесты
Для наших сыновей!

Ребята удалые
Нашли других невест.
Для них края чужие
Милей отцовских мест.

И лишь через дорогу,
Лаская нежно взгляд,
Задумчиво и строго
Березы шелестят.

Стоят, стволы сутуля
И излучая свет,
В почетном карауле
В честь тех далеких лет.

Законы были хлесткие
И меткие, как пули.
А все же три березки
У Сталина стянули!

ТИШИНА

Захлестнула меня тишина,
Словно омут, мутна и темна.

Тишина не умеет кричать —
Оглушительно может молчать.

Не поведает тишина,
Кто ее взбаламутил до дна.

В тишине закипает слеза,
Созревают беда и гроза.

И в душе, и за дальним бугром
Тишина разряжается в гром.

* * *

Моя гудиловская келья
Не для забав,
Не для безделья.

Порою встанешь рано-рано,
Накормишь кур, гусей, овец,
Прочтешь нотацию барану,
Чтоб не дурачился подлец.

Наколешь дров,
Истопишь печку,
Порядок в доме наведешь.
Отыщешь между тем словечко
И как яичко подберешь.

Порою даже не простое,
А словно в сказке — золотое.

ЗОРЬКА

Где найти медвежью лапу? —
Ни копейки в кошельке.
Привела зарплату баба
Прямо с луга в поводке.

Ну а Зорька третьи сутки
Ничего не ест, не пьет.
Только мается в закутке,
Только жалобно ревет:

— Отведите снова в стадо
На лужайку поутру:
Я в неволе жить не стану —
Лучше с голоду помру!

ДОЧКА

За поворотом мелькнула
Машина с высоким бортом.
Корова хозяйку лизнула
Шершавым сухим языком.

Не зря ее ласково Дочкой
Все годы хозяйка звала.
А Дочка склонилась над бочкой
И мутную воду пила.

Топталась она у порога
И слушала сплетни сорок,
Хлебнув перед дальней дорогой
Короткий прощальный глоток.

* * *

Дрозды на грядки зарились
И зарились грачи.
А ягоды румянились,
Спелы и горячи.

Невольно душу радуя
И обжигая взгляд,
Они сейчас в Скуратово
На станцию спешат.

С веселою заминкою,
А чаще — без труда
Кульками и корзинками
Влезают в поезда.

А те до Беломорья
Везут наверняка
Пахучую викторию
С усадьбы Бирюка!

* * *

Был сад пушист и светел
И шибко сердцу люб.
Сорвал калинку ветер,
Попробовал на зуб.

Вкусил калинку шало,
Обжегся и сбежал.
От каждой грозди алой
Струился знойный жар.

Чем тише, тем морозней.
Не согревает мех.
От раскаленной грозди
На ветке тает снег.

* * *

Не видать рождественских морозов,
Святочных метелей и пурги.
Все теперь у Бога несерьезно,
Самого замаяли грехи.

Видимо, житейскими ветрами
Был поломан божий календарь.
Киснет от безделья вечерами
У цветного ящика январь.

Не нагрянут в сумерки колядки
Шумною ватагою сюда.
Позабыв и Рождество, и Святки,
В город убежала Коляда.

Затрещат не вовремя морозы,
Загудит не вовремя метель.
За окошком, словно божьи слезы,
Хлюпает и хлюпает капель...

МОЛЕБЕН

Собрав со всей округи
У родника народ,
Воздел священник руки
В стеклянный небосвод.

— Останемся без хлеба —
Замает всех нужда! —
Сам батюшка у неба
Вымаливал дождя.

— Спаси нас всех, Гремучий,
От засухи спаси:
Займись седою тучей
И землю ороси!

Гремел родник устало
В предчувствии беды.
А небо промолчало,
Набравши в рот воды.

* * *

С утра хмельные мужики
Клубятся возле магазина.
Гниют пшеничные валки —
Нет ни мазута, ни бензина.

И вызывают на ковер
И виноватых и невинных,
И бесконечный разговор
Ведут о бедах и причинах.

А зерна стынут с той поры
В сырых закатах и рассветах,
Стеля зеленые ковры
И на полях и в кабинетах!

* * *

Устав хлопотать и заботиться,
Я сам на распутье стою.
Застигла врасплох безработица
Продрогшую душу мою.

Не думается и не пишется,
Вконец одолела тоска.
Зависла заветная книжица
У сердца и у виска.

То сизою дымкой туманится,
То проясняется взгляд.
Душа моя, вечная странница,
Зовет меня в дедовский сад.

Любая печаль одолима,
Когда ты в родимом краю,
Где вновь раскалится калина
И душу согреет твою.

* * *

Дед вынянчил плетушку —
Ладней и крепче нет.
Плетушка-хлопотушка
Служила сотню лет!

Картошку и морковку —
Все запасала впрок:
Сама несла в кладовку,
Тащила в погребок.

Плетушка-непоседа
Примерною была:
Не подводила деда
И марку берегла!

ГАЗ

Голубое сказочное диво,
Увлажняя стариковский взгляд,
Шествует по склону торопливо
Мимо редких деревенских хат.

Я смотрю на улицу устало,
Наблюдая радостно в окно:
Это чудо к речке подбежало
И нырнуло с берега на дно.

А бобры, запруду спешно ладя,
Веселей подбрасывали ил:
— Знать, какой-то сердобольный дядя
И про наши хатки не забыл!

* * *

Слишком долго автострада
Добиралась до села:
Ни от рая, ни от ада
Никого не сберегла.

Ни одной корявой хаты,
Ни одной живой души.
Лишь рассветы да закаты
Несказанно хороши!

Задичавшая сторонка,
Соловьиный перехлест.
Да на взгорке остановка
По прозванию Погост.

Лучезарно светят звезды
Невозвратных прежних лет.
Снова память до Погоста
Второпях берет билет.

ИСПОВЕДЬ

Я сейчас сама себе
Госпожа Анюта.
Легче мне в своей избе
В горькую минуту.

Я своя у воробьев
И у кошек тоже.
Среди грядок и цветов
Становлюсь моложе.

Не пугает беда —
Ни жара, ни холод.
Не поеду туда —
В этот самый город.

Где там сесть,
Где там встать,
Где там прясть стану?
Буду я в углу мешать
Даже таракану!..

* * *

Опираясь горестно о палку
И моля о благе небеса,
Краешком цветного полушалка
Утирала бабушка глаза.

Видимо, почудилось невольно,
Что продрогла церковь на ветру.
Злые люди сбили колокольню,
С луковиц содрали кожуру.

Вот бы снова Богу показаться,
Преданно взглянуть на образа.
Потому слезятся и слезятся
От раздетых луковиц глаза...

* * *

Порой наяву померещится,
Как будто в душе моей
Зеленое озеро плещется
Под горестный клик лебедей.

Торопятся лебеди белые
Молиться святым берегам,
Где нехристи оголтелые
Обезобразили храм.

А храм, что распят и повержен,
Доныне, назло палачу,
У самого сердца держит
Березовую свечу.

Все доброе в озеро кануло
И не всплывет никогда,
Лишь душу мою неприкаянную
Светло отражает вода.

* * *

Погожей июльскою зорькой,
Припомнив покосную Русь,
Взойду на Матвееву горку,
Высокой траве поклонюсь.

Взгляну на речную излучину —
Вздохну, постою, помолчу.
Старательно восьмиручку
Шершавым бруском наточу.

И снова ребячьей сноровкой
Захочется мир удивить,
Хоть нет ни овец, ни коровы
И некого сеном кормить.

И бабушка в кофте зеленой
Уже не мелькнет вдалеке
И завтрак с пахучей драченой
Не принесет в узелке.

В своей непорочности древней,
В своей первобытной красе
Темнеет мой след по деревне —
Единственный след по росе...

СОН

Срываюсь в бездонную пропасть
По ржавой отвесной стене.
Охватит смертельная робость —
Отсюда не выбраться мне!

Все лезу, все лезу, все лезу —
Карабкаюсь наискосок.
Впиваюсь ногтями в железо,
А сыплется ржавый песок...

Все жутче, все жутче, все жутче —
Не в силах сдержать и стерпеть.
Я эту проклятую кручу
Никак не могу одолеть.

Уставлюсь в дурацкую точку,
Как будто в волшебный зенит.
А кромка обрыва, как строчка,
Как тетива,
Звенит...

* * *

Я снова август размотал
На Снежеди и Зуше:
Корзинки плел, опята рвал,
А в общем, бил баклуши.

Все ждал, что в райском шалаше
Родится стиш в сорочке,
Да прихватил мороз в душе
Невызревшие строчки.

Снежинки кружат хоровод,
Блестя на хвое колкой.
Еще один убитый год
Похоронил под елкой.

* * *

Все реже радуют меня
Березы в инее,
Сиянье солнечного дня
И тени синие.

Не омрачают душу мне
Дожди паскудные,
Идущие в туманном сне
Тропой безлюдною.

Не будоражат в ранний час
Желанья грешные,
И соловьиный перепляс,
И звуки нежные.

Неумолимо гаснет день —
Глаза потушены:
Одолевают сон и лень
И равнодушие.

* * *

Голубело небо между ветел,
А на небе звезд — не перечесть.
Прибежал запыхавшийся ветер
И принес нерадостную весть.

Утром зашумело-загудело,
Замела-завьюжила пурга.
Непогодь, разламывая тело,
Наметала снежные стога.

Поглядел:
Сугробы с боку на бок
Переваливаются в саду.
И как в детстве захотелось яблок,
Словно снова маялся в бреду.

* * *

Незримо натужатся вены,
Заходится грудь на ходу,
Как будто один во вселенной
Сквозь вечную темень бреду.

Тревожно и жутко во мраке,
У страха глаза велики:
То рвут мне штанину собаки,
То бьют мне в глаза светляки.

Пугают невидимый шорох,
Неведомый шелест и хруст,
Рождая болезненный морок,
Невыразимую грусть.

Рассвет голубее и шире,
И трепетно радуюсь я,
Что в этом таинственном мире
Никто не боится меня.

* * *

Зимою деревенской
Метельно и темно.
Закрою занавеской
Замерзшее окно.

Лежу, раскинув руки,
Уставив в темень взгляд.
А шорохи и звуки
Мне душу бередят.

Порой сверчок заплачет,
Порой во тьме ночной
На тройке крыс проскачет
По хате домовой.

Вожу глазами слепо
Да темноту кляну.
Я вставлю в раму небо,
Созвездья и луну.

Торжественно и строго
Мне свет польется в грудь,
А зимняя дорога
Напомнит Млечный Путь...

* * *

Оказалась весна-недотрога
Опрометчивой и чумной.
Отгоняю ручьи от порога
То лопатою, то метлой.

Я пинаю их сапогами,
Чертыхаюсь по пустякам:
— Хватит путаться под ногами,
Убирайтесь ко всем чертям!

А ручьи не торопятся в море,
Под окном завивают круги.
Вот и крутятся на подворье,
Вот и лижут мои сапоги...

* * *

Любил это поле народ
И холил без передышки.
Пустили козла в огород —
Остались одни кочерыжки.

Доверили поле козлу —
Пожали сурепку с просянкой.
Запомнился барин селу
Своею бесшумною пьянкой.

Примчится издалека
И смоется втихомолку.
И как от козла молока
От этого фермера толку!

* * *

Автобус бежит по дороге,
Пошатываясь и пыля.
Грустят без хлопот и мороки
Заброшенные поля.

У каждого поля — владелец
С ангаром и гаражом.
А реки заглохли без мельниц
И бредят мукой и зерном.

Печалятся местные баре,
Устав на погоду пенять.
И мечутся мыши в амбаре,
Чтоб зернышко отыскать.

РЫЖИЙ ГЛЕБ

Взбудоражилась Россия,
Услыхав заветный клич:
Сами глину замесили,
Сами обожгли кирпич.

Подсыпало время жару,
Золотя мужичьи лбы.
Всюду избы и амбары
Вырастали как грибы.

Полилось в избытке зелье
В завершенье страдных дней.
Загудело новоселье
По Гудиловке моей.

Красовался в хороводе
Расторопный рыжий Глеб,
Что по-доброму в народе
Прозывался «дядя НЭП»!

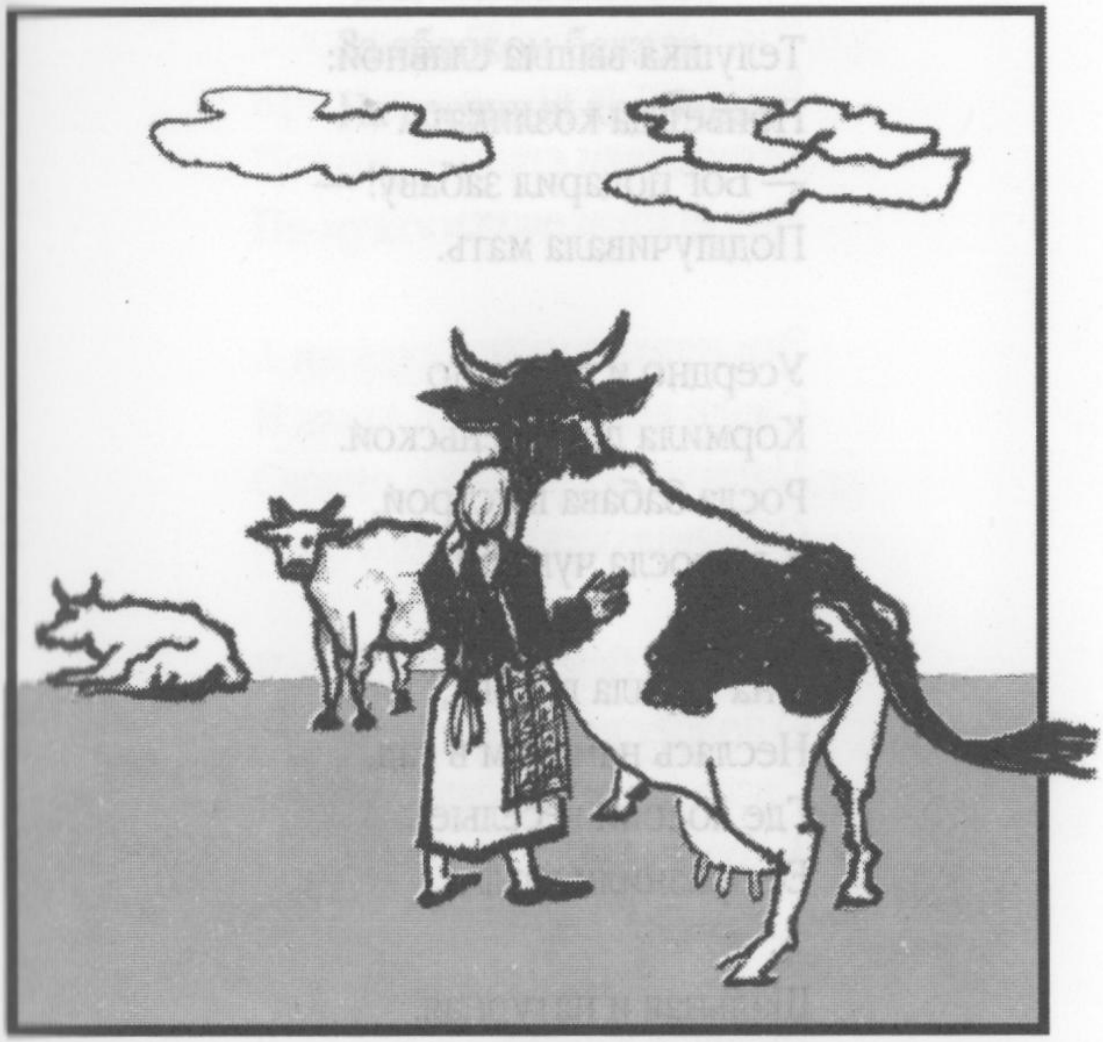
РАЗЛУКА

Лизались коровы беспечно,
Не чувствуя близкой беды.
Прощались мы с ними навечно
Без шума и суеты.

Кормилиц одну за другою
Увозят на колбасу.
Хозяйка дрожащей рукою
Тайком утирает слезу.

Вздыхает от горькой досады,
Бессилье и старость кляня.
Редеет знакомое стадо
Заметнее день ото дня.

Опять, не дождавшись подругу,
Коровы запрятались в ров.
И снова на всю округу
Стоит поминальный рев...

ЗАБАВА

Телушка вышла славной:
Попьет да козликать.
— Бог подарил забаву! —
Подшучивала мать.

Усердно и загрузно
Кормила день-деньской.
Росла Забава шустрой,
А выросла чумной.

Она теряла голову,
Неслась наметом в сад,
Где яблоки веселые
Ее дразнили взгляд.

Шальная и натурная,
Заколебала всех,
И заплатила шкурой
За эту блажь и грех.

Сейчас за мной спешила,
Хватая воздух ртом.
Ждала ее машина
С откинутым бортом.

Забава знать не знала,
Что, вскидывая зад,
За яблоком бежала
На грешный комбинат.

* * *

В пекле этого ада
Розовеет вода.
Затиранили стадо
Под мостом овода.

Эти подлые мухи
Сжали вымя в тиски.
Матерятся старухи,
Обрывая соски.

Струйки белого чуда
О подойник стучат.
Глухо стонет посуда,
А коровы молчат.

Запах пряный и тонкий
Забивает бензин.
По мосту, по бетонке
Мчится стадо машин.

Скачет стадо безрогое
Мимо сельских дворов
По распятой дороге
И по спинам коров.

КВОЧКА

С воплями взлетит на загородку,
Крыльями неистово забьет.
Петухи, завидев сумасбродку,
По-мужски роптали у ворот.

А наседка страху напустила
И давай полову разгребать,
Словно несмышленышей учила
Хлеб себе насущный добывать.

Но цыплята, шумно подрастая,
Проявляли озорство и прыть:
Где-то в одиночку,
Где-то стаей
Стали в самоволку уходить.

Рано заневестились пеструшки
И надели свадебный наряд.
А наседка маялась в плетушке,
Где когда-то вывела цыплят.

* * *

Лежу, укрытый холодком,
В саду после обеда.
Веду со старым индюком
Шутейную беседу:

— Видать, ты праведно живешь
И стадом правишь мудро,
Хотя нередко молодежь
Тебе щекочет бурды.

Зато, присев перед тобой
Почтительно и кротко,
Ждет с затаенною мольбой
Твоей любви молодка.

И, ощутив душевный пыл,
Старик в себя поверил:
И гордо бурды распустил,
И шумно вскинул веер!

* * *

Ужаленный ветер сердито
Дуплистый раскачивал ствол,
И рухнула шумно ракита
Под тяжестью меда и пчел.

Она еще долго дрожала,
Раскинув обломки ветвей.
Металась, клубилась, жужжала
Пчелиная туча над ней.

Хозяин взглянул на ракиту,
Ноздрями почувствовал гарь.
Вздохнул и набил деловито
Сухою гнилушкой дымарь.

* * *

Мне плетневый сарай у подвала
Был до каждой соломки знаком.
Лето сеном его забивало,
А зима забивала снежком.

В нем по давней привычке крестьянской
В обветшалых санях до войны
От Егорьева дня до Казанской
Дед смотрел чудотворные сны.

В этом тихом щелястом сарае
На десятом ребячьем году,
То ли в рай, то ли в ад уплывая,
Я метался в тифозном бреду.

Сколько в жизни он бед перевидел,
Сколько сделал добра на веку:
В горький час воробья не обидел
И приют находил голубку.

По-мужицки натужась и силясь,
Он покорно и тихо стоял.
А теперь вот столбы подкосились
И сарай на колени упал:

Перед миром чужим и знакомым,
Перед окнами брошенных хат,
Перед сгорбленным родственным домом,
Виновато потупившим взгляд...

* * *

Умерла Гудиловка
На закате века.
Отошла родимая
На исходе дня.
Не было на свете
Дороже человека,
Не было роднее
Места для меня.

Отдышусь с дороги,
Погляжу в окошко:
На заглохшей улице
Буйствует лопух.
В памяти мяукнет
У порога кошка
И прокукарекает
У плетня петух.

Я свое подворье
Навещаю редко.
Кликну домового,
Вместе посидим.
Соберемся с духом
Да помянем предков,
Да по старой памяти
Снова загудим!..

* * *

Суковат я, суковат,
Словно дуб корявый.
Виноват я, виноват
Перед всей державой.

Диковат я, диковат —
Что-то есть от зверя.
Виноват я, виноват,
Что в друзей не верю.

Глуповат я, глуповат
В шумном балагане.
Виноват я, виноват,
Что дружу с врагами.

Плутовáт я, плутовáт —
На глазах лукавлю.
Виноват я, виноват,
Что царей не славлю.

Грубоват я, грубоват —
Выгляжу убого.
Виноват я, виноват,
Что далек от Бога.

Суковат я, суковат —
Этот грех не скрою.
Виноват я, виноват
Лишь перед собою!

* * *

«Я последний поэт деревни!» —
Закачаю хмельной головой.
Опрокинусь под куст сирени
И прорасту травой.

Будет трава зеленой,
В крапиве и лопухах,
Живностью заселенной,
Словно в моих стихах.

Будет цепляться репьями,
Крапивою обжигать,
Если босыми ногами
Вздумает память ступать.

Нет места благословенней,
Где прорасту травой.
Качался бы куст сирени
Над грешною головой.

ЗИМА

Матери моей —
Анне Емельяновне

Теперь у нас в Гудиловке
Сугробы выше крыш,
И ты на той развилке
Печальная стоишь.

Теперь у нас на Снежеди
Метель, метель, метель.
И, вспоминая прежнее,
Надрывно стонет ель.

Теперь у нас на Мценщине
Снега, снега, снега.
И маленькая женщина
До боли дорога.

Теперь у нас в Орловии
Мороз, мороз, мороз.
И я сдвигаю брови
И не скрываю слез.

Теперь у нас в России
Зима, зима, зима.
И я от ностальгии
Во сне схожу с ума.

ТРЕВОГА

Пошлю красивую открытку
И пожелаю славно жить.
А мать присядет под ракитку
И станет снова ворожить.

На сердце —
Давняя тревога,
И карты подтвердят о том,
Что сына дальняя дорога
Опять ведет в казенный дом.

Заноют старенькие кости,
Глаза замутятся от слез:
— А говорил,
Что скоро в гости.
А обещался на покос...

Эх, хороша трава в овраге!
Теперь от думок не засну.
Пойду-ка дедовы рубахи
Пока на речке сполосну.

Валек попробует руками.
Вздохнет, что стал великоват, —
И ну лупить замшелый камень,
Как будто камень виноват.

ПОКЛОН

Явился домой нежданно
По снежному декабрю.
— Поклон, — говорю, —
Емельяновна!
Что нового? — говорю.

— Да слышала:
В нашей деревне,
А может, в какой-то чужой
Хвостом зацепил за деревья
Аэроплан большой.

Лишь мокрое место осталось
Да пуговицы от людей.
А я вот опять задержалась
И жду с того света вестей.

Никто не вернулся оттуда,
Никто откупиться не смог.
Видать, это самое чудо
Господь для себя приберег.

— Родная моя Емельяновна,
Живи, ради Бога, живи

И новости окаянные
Лишь только вполуха лови.

Планета такая большая,
Где есть и враги и друзья,
Где есть и деревня чужая,
Где есть и деревня — своя!

В чужой-то деревне порядок,
А в нашей с огнем не сыскать.
О, сколько на свете загадок,
Которых не разгадать!

Да разве ты в том виновата,
Да разве я в том виноват,
Что кружится торкун над хатой,
А ястреб таскает цыплят?

Давай-ка еловую ветку
Поставим в святой уголок.
Глядишь, да отец с того света
Заявится на огонек!

СВЕРЧОК

Анне Емельяновне —
в день 85-летия

Давным-давно полоска сжата,
Давным-давно на взгорке нет
Той закопченной ветхой хаты,
Где появилась ты на свет.

Один сверчок, почуяв стужу,
Переметнулся в теплый дом
И с той поры вселился в душу
И в сердце царствует твоем.

То заунывной песне вторя,
То упоительно скрипя,
Он утешал в житейском горе
И в будни веселил тебя.

В мельканье лет,
В мерцанье свечек
Менялись вьюги и дожди.
Невзрачный серенький кузнечик
Не умолкал всю жизнь в груди.

Сверчку не мало и не много —
Всего-то восемьдесят пять,
И у высокого порога
Ему неймется верещать.

Живет в заботах и капризах
Неунывающий сверчок:
И горизонт, что локоть, близок,
И зримо близок потолок!

19 декабря 1998 г.
д. Гудилово

ПЕРЕПОЛОХ

Каждый день переполох —
Горечь и досада.
Снова ястреб уволок
Курочку из сада.

Приземлится обормот
У тропы коровьей.
Снова душу отведет
За твое здоровье.

В благодарность за обед
Скажет эта вражина:
— Здравствуй, бабушка, сто лет
И цыплят выхаживай!

ТЕЛЕЖКА

Закатаю тележку рабочую,
Да такую — хоть что положи!
Будем клевер возить от Сорочьего,
От Осинковца — блиндажи.

Отгремела в полях канонада,
Разбежался табун за холмом.
Нет теперь лошадей — и не надо,
Так и быть — на себе привезем!

Будешь ты у меня коренною,
Буду я у тебя пристяжным.
Нас война не жалела с тобою,
Приучив к передрягам любым.

Сколько горестей мы раструсили,
Сколько бед на себе развезли!
Но спасли от позора Россию
И для внуков ее сберегли.

Захватили тележку хапуги
И пустили ее под откос.
Поломались оглобли и дуги,
Поржавели колеса и ось.

Я теперь смастерил бы тачанку
И поставил на ней пулемет.
Только жаль, что состарилась Анка
И Чапаев ее не возьмет!

* * *

Где тот дремучий травостой
Лихой поры военной?
Такой дремучий и густой:
Взмахнешь — вязанка сена!

Была та буйная трава
Загадочной немножко:
Темнели тайной острова
Мышиного горошка.

Я замирал за два шага,
Робея и немея,
Перед метелкой овсюга
И пикою пырея.

Кивал головкой там и тут
Пахучий белый клевер.
Над ним стоял пчелиный гуд,
Протяжен и напевен.

Трава отчаянно цвела,
По-бабьи жировала.
Земля хозяина ждала,
Звала и горевала.

Земле хотелось щедрой быть
И верить в плодородие.
Я здесь учился жизнь любить,
Служить земле и родине.

* * *

Хранит печальная держава
В тени берез и тополей
Неувядаемую славу
Своих сынов и дочерей.

Салюты дальние и близкие
Над маем праздничным гремят,
И вздрагивают обелиски,
Что над могилами солдат.

РЕКВИЕМ

Велика Россия, а отступать некуда: позади — Москва!

Политрук В. Клочков

Земля тревожно и устало
Гудела далеко окрест.
А поезд мчал из Казахстана
Их на неведомый разъезд.

Бросалась здесь
Под танки осень
За честь отеческой земли.
Дрались бесстрашно
Двадцать восемь
И здесь навечно залегли.

Забыв про небо голубое,
Они со связками гранат
Лежат и ждут сигнала к бою —
Полвека целых здесь лежат.

Лежат, как будто на чужбине,
Прикрыв собой святую пядь.

Что делать им? Куда им ныне
И наступать,
И отступать?

Они не знают, воскресая,
Неравный́ принимая бой́,
Что позади Москва —
Чужая
И Казахстан
Уже чужой́.

Они не ведают, что снова
Ракета в небо не взлетит,
Что у России нет Клочкова,
Что политрук давно убит...

ПРОЩАЙ И ПОМНИ

«Прощай, прощай и помни обо мне».

В. Шекспир. «Гамлет».

Из записной книжки
Зои Космодемьянской.

Россия, матушка мая,
Опять с ухмылкой гнусною
Чернит гремучая змея
Святое имя русское!

Как ты могла родную дочь
Отдать на поругание?
Она уходит в эту ночь
На вечное задание.

Она шагает в стан врага
Ноябрьской ночью мглистою,
Еще не ведая греха,
Еще по-детски чистая.

И не страшит ее петля
И смех змеи гремучей.

Но шепчут снежные поля
О смерти неминучей.

И поджидают палачи
Уже давно в засаде.
И руки цепкие в ночи
Ее хватают сзади.

Без страха встретила допрос
Таинственная Таня.
А за порогом ждал мороз
И — вечное молчанье.

Она ступает, как в огне,
Все муки пересиля:
«Прощай и помни обо мне
В любые дни, Россия!»

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Александру Лукашенко

Я это священное место
Предать и забыть не могу.
Седые развалины Бреста
Доныне не сдались врагу.

Храня гробовое молчанье
И верность славянской душе,
Безвестные орловчане*
На славном стоят рубеже.

Чертям и богам неподвластный,
Молюсь, преклоняюсь, горжусь,
Что стала воистину красной
Прекрасная Белая Русь.

Никто — ни холопы, ни князи —
Не в силах ее очернить.
Она отряхнулась от грязи,
Чтоб лик в чистоте сохранить.

---

* 6-я Орловская Краснознаменная дивизия участвовала в обороне Бреста.

Мы стали мудрей и суровей,
Мы знали, что в горестный час
Ближайшие братья по крови
Не отвернутся от нас.

В друзьях и вождях разуверясь,
Вступились они за Союз,
Когда озверевшая нерусь
Распяла державную Русь.

Ни мира, ни дружбы, ни славы
В обиженной Богом стране.
Развалины прежней державы
Дымятся в крови и огне.

Я вижу заветное место
На дальнем святом берегу.
Доныне защитники Бреста
Прицельно палят по врагу!

СВЯТЫЕ ИМЕНА

П. М. Суконному

Не выходя из боя,
Из адской кутерьмы,
Сражаются герои,
Пока их помним мы.

Мельчают поколенья,
Бледнеют времена.
Не подлежат забвенью
Святые имена.

Озарены их лица
Трагической судьбой,
И вечно будет длиться
Незавершенный бой!

ПУШКАРИ

Ветер тучи грозовые гонит,
Нелегко усталость превозмочь.
На дорогобужском полигоне
Пушкари расстреливают ночь.

Лупят пушки яростно по целям,
По заросшим старым блиндажам,
Словно с той войны еще засели
И не сдались гитлеровцы нам.

* * *

Я узнаю его по форме,
Я узнаю его в лицо:
Вот с этой прядкой непокорной,
Что завивается в кольцо.

Я помню: весь заиндевелый,
В густом морозном серебре,
Он появился в форме белой
Декабрьским утром во дворе.

Заиндевело-белый лыжник
Ступал по снегу тяжело.
И мал и стар навстречу вышли
И проводили за село.

Кто знал, что у тропы прибрежной
Его засада стерегла?
Теперь стоит он, белоснежный,
На главной улице села.

В глазах ни боли, ни печали —
Суровый взгляд, тревожный взгляд.
Стоит солдат на пьедестале
И не снимает маскхалат.

* * *

Под старою ракитой
Висел плужной отвал:
То нежно, то сердито
Он на работу звал.

Он был для всех как совесть
В суровые года:
Запел — большая новость,
А задрожал — беда.

На звон его горластый,
На этот властный зов
Спешили бабы часто,
Не подоив коров.

Вот так, наверно, били
Деды в колокола,
Когда пожары были,
Когда война была.

Пускай не тем набатом
Плужной отвал трубил.
Он был их кровным братом,
Их младшим братом был.

Под старою ракитой
Висел плужной отвал:
То нежно, то сердито
Он всех на подвиг звал!

МОСТ

Приземистый дубовый мост,
Упруго напрягая спину,
Переносил до самых звезд
Людей, телеги и машины.

Не миновали той спины,
Того речного перевоза
В разлив стада и табуны
Из романтичного колхоза.

Здесь в первородной красоте
Шумел камыш, деревья гнулись,
А деревенской босоте
Впервые солнце улыбнулось.

Неугомонное село
С утра до вечера роилось.
Вокруг него добро и зло,
Печаль и радость колосились.

Июньским утром грянул гром
Над перелесками России,
И над селом, и над мостом
Сгустились тучи грозовые.

Горел восход, пылал закат
Над ближней полосою фронта,
И небо ранами солдат
Кровянилось у горизонта.

Война откатывалась вдаль,
А в тесной сумке почтальонки,
Скрывая горе и печаль,
В село спешили похоронки.

И бабы, словно в старину,
Клубились на мосту часами,
И кляли подлую войну,
И с горя пели и плясали.

Не просто мост, а сам колхоз,
Взвалив все тяготы на спину,
Их через речку нес и вез
В лихую, тяжкую годину...

...Ни обелиска, ни креста,
Ни дерева, ни птичьей стаи.
На месте прежнего моста —
Водой обглоданные сваи.

А мост встает в потоке дней
С годами явственней и зримей:
Увяз он в памяти людей
Навечно сваями своими!

ФРИЦЫ

Избу заполнила теплом
Сгоревшая кострица,
И, сняв рубаху, за столом
Вшей выбирали фрицы.

Мы притаились на печи,
Поджав к пупку колени.
Нам грели пятки кирпичи,
Бока студили стены.

Мы возле бабки улеглись,
Не зажигая свечку,
Чтоб в темноте не забрались
Чужие вши на печку.

Ариец разгонял тоску
Гармошкой и губами:
«Скорей в Москву!
Быстрей в Москву:
Там нам готовят баню!»

Закутав теплой тряпкой нос,
Пошли в Москву солдаты.
Непредсказуемый мороз
Погнал их вдаль от хаты.

А дед вдогонку зло шептал
И шмыгал сапогами:
Не то плясал,
Не то топтал
Заблудших вшей ногами!

АРИНКИН ХУТОР

Ивану Рыжову

Шагал в заснеженной дали
Декабрь сорок второго.
А за санями вдаль брели
И овцы, и корова.

В какой-то стороне глухой
Вошли мы в сорок третий.
Аринкин хутор в час ночной
Нас громким лаем встретил.

На нем кончался белый свет
В завьюженной пустыне.
Ни радио и ни газет
Здесь не было в помине.

Ни капли ключевой воды,
Лишь пруд вонюче-ржавый.
Мы для питья и для еды
Сгребаем снег шершавый.

Корова бережно жует
Рябинку с полынками.

Хозяйка лампу бережет,
А топит — кизяками.

Мы засыпали на полу
В сыром холодном доме,
Зарывшись с вечера в углу
В попонке и соломе.

Мне снился деревенский сад,
Пылавший жарким цветом.
А где-то дрался Сталинград —
Невидим и неведом.

ТИФ

Марии Кожушко

Таинственно ворон кружил,
Играя с касатками в прятки,
Когда меня тиф уложил
С размаху на обе лопатки.

Я просто упал и затих
В сарае на старой соломе.
Потом разбудил меня тиф
В каком-то загадочном доме.

На грубом дощатом полу,
На лавках и на кроватях
Бедняги метались в пылу,
Сгорая в тифозных объятьях.

Повсюду мерещилась смерть,
И, словно навозные мухи,
Вползали в открытую дверь
Весьма воспаленные слухи.

От слухов темнело в глазах,
Но девушка в белом халате

Вошла и развеяла страх —
И стало светлее в палате.

В сиянии майского дня
Деревья в алябьевском парке
Гурьбой провожали меня
До самой опушки и арки.

Я прытко за мамкой спешил,
Домой торопясь без оглядки.
А ворон, как прежде, кружил,
Играя с касатками в прятки.

РИСК

Сниму осторожно дернину
И, как драгоценный багаж,
Достану из ящика мину
И переправлю в блиндаж.

Ребячьему сердцу приспичит
Развеять коварное зло.
Дубовые бревна, как спички,
Взметнуло и разнесло.

Волна перепрыгнула речку,
Тряхнула избу и подвал.
Мужик бушевал у крылечка
И Бога в свидетели звал.

Поколебавшись немного,
Явился с повинной «барбос»:
— Вуколыч, прости, ради Бога,
Я новые стекла принес!

* * *

Дороги днем и ночью
Под танками пылят.
Скирды не обмолочены,
Заброшены в полях.

У бабки сердце колет,
У старой жар-озноб.
Пойду я в чисто поле,
Возьму пшеничный сноп.

Рука моя проворна,
Сноровиста рука.
Упруго брызжут зерна
На шаль из-под валька.

А я сильнее шпарю,
А я азартней бью:
Ведь завтра бабка сварит
Пахучую кутью!

ПУЧОК КАЛИНЫ

Металась бабушка во сне,
Шепча бессвязно:
— Калинки мне, калинки мне,
Калинки красной...

Лежала старая, бледна,
В лихой простуде.
А в том саду была война,
Чужие люди.

Снялась из сада солдатня,
Ушли машины.
А возле камня, возле пня
Притихли мины.

Не трогай яблоню за ствол,
Не трогай ветку.
Уж подорвался рыжий вол,
Изранен Гнедко.

А дома в душной тишине
Беда нависла:
— Калинки мне, калинки мне,
Калинки кислой...

И я бегу в запретный сад
Заглохшей тропкой.
И я ступаю в этот ад
Ногою робкой.

Повисла жизнь на волоске
Немецкой мины.
Но трепетал в моей руке
Пучок калины!

* * *

Слышен треск на всю округу,
Шум на всю околицу.
Бьются льдины друг о друга,
Друг о дружку колются.

Трутся льдины, трутся льдины
В голубое крошево.
Мост в испуге выгнул спину,
Словно кот взъерошенный.

Затаив в душе тревогу,
Матросня отважная
Провожает в путь-дорогу
Лодочки бумажные.

Уплывало наше горе,
Наше детство сирое
Прямо в море, прямо в море,
Прямо в море синее.

* * *

Усталость свою переспорю,
Попью второпях молока.
А косы висят на заборе
И с вечера ждут молотка.

Простуженно шмыгая носом,
Я важно сажусь за отбой.
И шепчут мне вдовые косы:
«Потюкай — уважь, золотой».

Я тюкаю, тюкаю, тюкаю —
Старательно жало тяну.
Нехитрая это наука,
А спину — не разогну.

Заглянет чудачка-старуха,
Отбитую косу возьмет.
— Василич, тебе за услугу!.. —
И пару яиц подает.

Усталость свою пересилив,
Совсем позабыв про обед,
Сидит за отбоем Василич
В двенадцать мальчишеских лет.

КОВРИЖКА

Я был совсем еще мальчишкой
В том самом горестном году.
Дымилась на столе коврижка,
Что подгорела на поду.

Мы ждали новину как праздник
С глазами, полными тоски,
Когда, голодные и грязные,
В полях искали колоски.

А в этот миг, вздохнув украдкой,
Я ощущал себя в раю:
Сосал, причмокивая сладко,
Скупую корочку свою.

* * *

Позаросли окопы —
Остался смертный страх.
Мальчишки — возим копны
Ночами на волах.

Играют тучи в прятки
С землею и луной.
Душа уходит в пятки
И колется стерней.

Дрожат невольно губы,
И чувствуешь впотьмах,
Что не снопы, а трупы
Уложены в крестцах.

КОРНИ

Цеплялись мне за плечи ветки,
Не отпуская в дальний путь.
Я поглядел на сад заветный,
И поневоле сжалась грудь:

Мне от села не оторваться,
Я с детских лет к земле прирос
Корнями вишен и акаций,
Корнями яблонь и берез.

* * *

Я торопился, я метался,
Я гнал Пегаса в дальний путь,
Да слишком поздно догадался
Его обратно повернуть.

Он озирался боязливо
За каждой речкой и мостом,
Сердито вскидывая гриву,
Крутя рассерженно хвостом.

Теперь же днями и ночами
Скачу, подобно лихачу,
Чтоб пересохшими губами
Припасть к заветному ключу.

* * *

Я отвык от нежностей сугубых,
От морозных белых простыней.
Дай-ка мне овчинный полушубок
И теплушку бабушкиных дней.

Я хочу душою отогреться,
Вспомнить свой неповторимый путь,
Чтоб щекой о детство потереться,
На груди у юности заснуть...

«ПОБЕДА!»

Я захожу в четвертый класс
И в сорок пятый год.
Из глубины ребячьих глаз
Возникнет самолет.

Едва не зацепив крылом
За школьную трубу,
Он взбудоражит каждый дом
И каждую избу.

В единый миг запорошат
Летучие листки
Заглохший двор, заглохший сад,
Канавки-бугорки.

Забыт урок, забыт звонок,
И, как в шальном кино,
Рванет братва через порог,
Махнет через окно.

— Победа! — кругом голова —
Ликуют сорванцы.
Лишь не услышат те слова
Зарытые отцы.

* * *

За околицу фронт зацепился,
Беспрерывно гремел и ревел.
А у нас за столом разместился
Непонятный «особый» отдел.

Лейтенант по-мальчишески звонко
Задавал за вопросом вопрос.
Несмышленая медсестренка
У окна задыхалась от слез.

Я метался в углу под овчиной,
Никого и ни в чем не виня.
Непонятная мне скарлатина,
Взяв за горло, душила меня.

Особист в суматохе и спешке
Не дослушал наивный ответ
И меня на летучей тележке
В отдаленный помчал лазарет.

— Не тревожьтесь! —
Он крикнул бабусе,
Удаляясь от тихих ворот. —
Уверяю: волшебница Дуся
Драгоценного внука спасет!

...У заросших развалин державы
Неприкаянно душу знобит.
Где же ты, лейтенант кучерявый
С необычной фамилией Бинт?

Если жив,
Если помнишь Ивана,
Приезжайте вдвоем к январю.
Угощу творогом и сметаной
И на память стихи подарю!

* * *

Загадочно игривая
Судьба у языка:
Кого довел до Киева,
Кого до бугорка.

Служил в саперной роте
Лихой анекдотист.
Мужик простецкий вроде,
Послушаешь — артист!

«Василий, да не Теркин!» —
Был мрачный приговор.
Окрасил гимнастерку
В багряный цвет позор.

Ушли на запад пушки,
Победный грянул срок.
Темнеет на опушке
Полынный бугорок...

* * *

В знакомой роще на опушке
Кукуют мирные кукушки.

А мне запомнились другие,
Как смерть, коварные и злые.

Те подавали голос свой
Не только летом — и зимой.

Одно мгновенное «ку-ку» —
И кровь дымилась на снегу.

А где-то там жена и мать
Весь век остались куковать.

И горько вторят на опушке
Им нынче мирные кукушки.

* * *

Дымовую паутину
Тянет в небе самолет.
Как бабахнет реактивный —
Сердце камнем упадет.

Воробьи, спасая шкуру,
Заберутся под стреху.
Под навес сбегутся куры
И прижмутся к петуху.

С перепугу шмель застонет,
Под цветок нырнет пчела,
Муравей бревно уронит
И забудет про дела.

Все живое перед рамой
Встрепенется и замрет.
А по небу этот самый...
Белым голубем плывет!

* * *

Сербиянка, сербиянка,
До чего унылая.
Не страдала бы славянка,
Да убили милого.

Мне знакома с детских лет
Эта пляска грустная.
Вновь кровянится рассвет,
Снова небо хрустнуло.

Не увидят дед и внук
Воскресенье Вербное.
Сколько горя, сколько мук
Сброшено на Сербию!

Кружит черная вражда
Над страной бессонною,
Оглушая города
Взрывами и стонами.

А в Белграде — звон и гром,
Светит солнце ласково.
Пляшут сербы под огнем:
Помирать — так с пляскою!

Не сгибается славянка
Под лихой бомбежкою.
Сербиянка, сербиянка,
Топни-топни ножкою!

* * *

Четыре дуба в Пушмине,
На правой стороне,
Напоминают горько мне
О проклятой войне.

Свирепый холод в душу лез
И в стылые дома.
Рубила лес, пилила лес
Безжалостно зима.

Пушмин тащили на плечах,
По снегу волокли,
Чтоб грел родительский очаг
И дети спать могли.

Четыре года шла война —
Корежила и жгла.
Четыре деревца она
На память сберегла.

Пускай они, отбросив страх,
Поведают потом
Об этих пнях, об этих днях,
Обугленных огнем.

Ох, эта память о войне —
Горька и солона.
Четыре дуба в Пушмине
Переживет она.

* * *

Все смешается во мгле —
Быль и небыль.
Жил и не жил на земле,
Был и не был.

Если пылко не любил,
Страсть не ведал,
Значит, юность загубил,
Душу предал.

Если кровь и лебеду
Не отринул,
Значит, общую беду
Сердцем принял.

Если доброе зерно
В жизни сеял,
Значит, в мире заодно
Был со всеми.

Если спутники во мгле
Нам светили,
Значит, жили на земле,
Значит — были!

ЗЕЛЕНЫЙ ХОЛМ

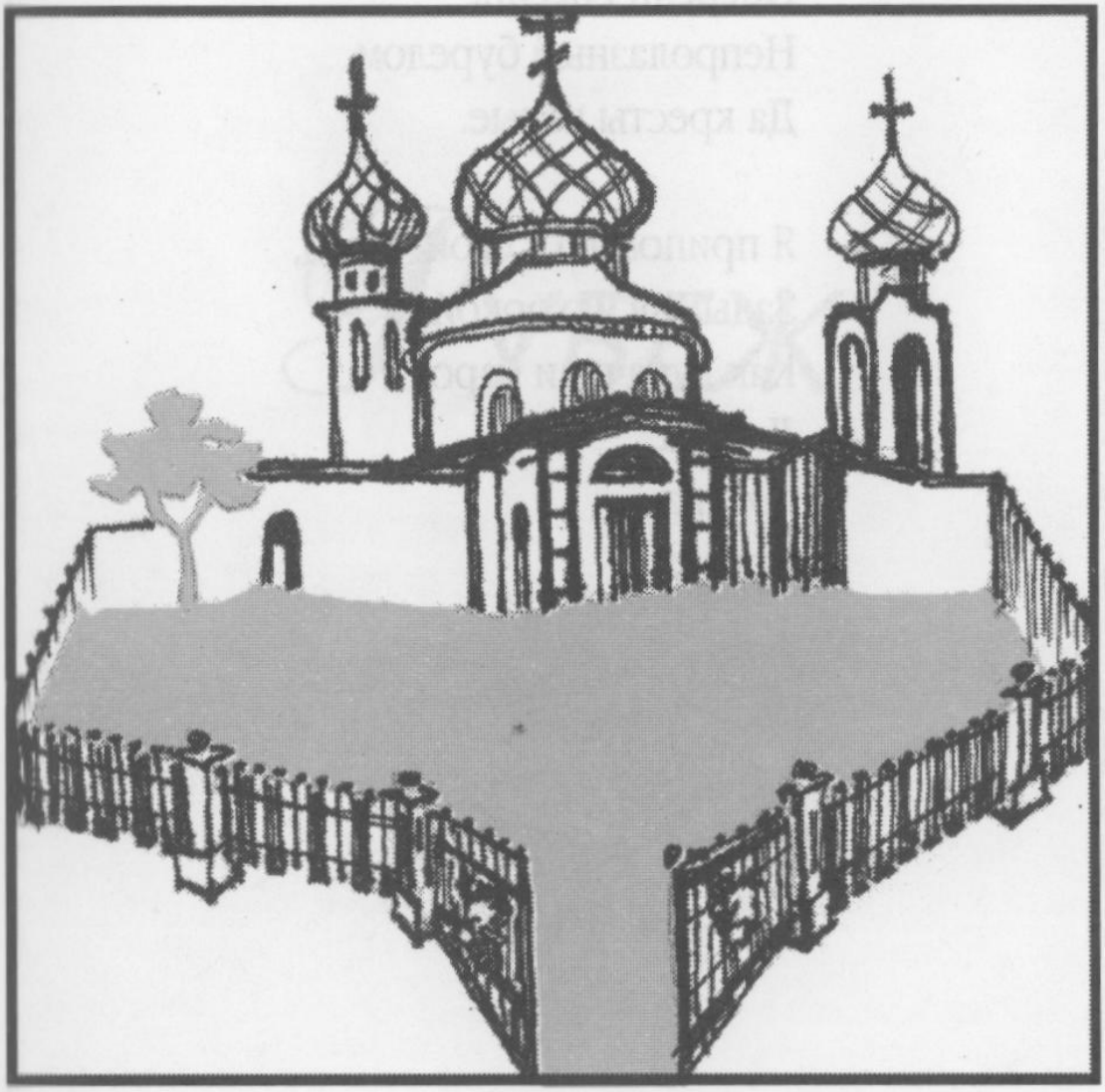
Зеленеет скорбный холм
Посреди России:
Непролазный бурелом
Да кресты косые.

Посещая божий храм,
Бабушки и деды
Оживают по ночам
И ведут беседы.

Вспомнят батюшку-царя,
Ильича и Оську.
Повздыхают втихаря:
Все родные в доску!

Им неведомы небось
Новые порядки.
Пошатнулись вкривь и вкось
Ржавые оградки.

Видно, дети далеко,
Ну а внуки — дальше.
Здесь спокойно и легко
Без вражды и фальши.

Мне завещан этот холм
Посреди России:
Непролазный бурелом
Да кресты косые.

Я припомню в свой черед,
Задымив махоркой,
Как дурачили народ
Ленька,
Мишка,
Борька...

Рубеж

ГРЕШНИКИ

Сейчас сам черт не разберет,
Какая демократия:
У власти топчется народ,
А правит та же братия.

Мерзавцы снова на коне,
Хотя в ином убранстве.
Все перепуталось в стране
И даже в божьем царстве.

Беда накликала беду,
Нависла тьма кромешная:
Святые маются в аду,
В раю жируют грешные!

ЖУТЬ

В нашем царстве мрак и жуть —
Время невеселое:
Сам хватается за грудь,
А народ за голову.

У того сердечный сбой
После влива каждого.
Ну и что-то с головой
У народа нашего!

ВИНА

Встречали восторженно-бурно
В провинции и в Москве
Блистательного трибуна
С заплаткою на голове.

Разглядывал вождь деловито
Реформенные чудеса
И верил в холопскую свиту
И в собственные словеса.

В лихом перестроечном гвалте
Не видел он горькой вины.
Осталась заплатка на карте
От прежней великой страны!

КАБАН

Загребущие повадки,
Завидущие глаза.
Перерыл подлец все грядки,
Все лужайки и леса.

Ненасытный, грязный, шалый,
Роет он дорогу в рай.
Полтора аршина мало —
Всю Россию подавай!

БЕДОКУР

Петух, бесстыжий бедокур,
Похожий на Чубайса,
Приватизировал всех кур
И за индюшек взялся.

Ему плевать на все грехи,
На птичий гвалт и вопли.
Разгорячились индюки
И — распустили сопли...

ЛЕБЕДЬ

Победно, шумно, браво
Проплыл он поутру.
Над ним гремела слава,
Как жесть на ветру.

Рождая страх и лепет,
Он зычно славил Русь.
Да оказался лебедь
Довольно скользкий... гусь!

ПТИЧИЙ БЛУД

Грачи и лебеди вспорхнули
И устремились на восход.
Чужие молнии и пули
Остановили их полет.

Подвергнув странников опале,
Чужие горы смерть несли:
Кому-то крылья обломали,
Кому-то душу обожгли.

И вожаки сказали стае,
Невольно ощущая блуд:
«Зачем мы тут, в Афганистане?
Мы перепутали маршрут!»

И птицы зашумели бранно
И опустились на броню:
«Прощайте, горы и душманы,
Мы отправляемся в Чечню!»

СТРАТЕГ

Гром и молнии в Кизляре!
Всполошился белый свет.
Кремль в ударе и угаре:
Как в Филях, шумел совет!

Деловито и уморно
Усмирял стратег грозу.
Только вот повязки черной
Не хватало на глазу!

ПЕС

Сколько лет, сколько зим
Пес служил хозяину,
Да однажды перед ним
Прогрешил нечаянно.

Тот огрел в горячке пса
Суковатой палкой.
Закатил пес глаза
Виновато-жалко.

Пнул хозяин сапогом
Преданную морду.
Завилял пес хвостом
Радостно и гордо.

ПОХМЕЛЬЕ

Стоят, касаясь облаков,
Пустые серые коробки:
Не слышно стука молотков,
Позаросли бурьяном тропки.

Незавершенные дома
Глядятся сумрачно и сиро,
И вновь вселяется зима
В их беспризорные квартиры.

А люди ждали столько лет
И не дождались новоселья.
И кто-то кроет горсовет
И гонит жалобы с похмелья.

И не сошел никто с ума
От одичанья и бессилья,
Что заморожена сама
Многострадальная Россия.

* * *

Шли мирные отряды
С гвоздиками в руках.
А их ждала засада
На пыльных чердаках.

Пропойцы и блатняги
Прицелились в звезду.
Простреляннные стяги
Споткнулись на ходу.

Побагровели клены,
И обагрилась высь.
А красные знамена
На землю пролились...

ЧУЖИЕ

Ошалело лошади
Скачут по экрану.
А по Красной площади —
Тихо — ветераны...

По брусчатке каменной,
Гладкой и щербатой,
Бродят неприкаянно
Старые солдаты.

Хмурые, недужные,
С горькими обидами.
Никому не нужные,
Богом позабытые.

Все кругом чужое —
И дома, и лица.
Отдалась без боя
Русская столица.

Отгуляли власовцы
Свой парад победы.
Жуковцы да язовцы
Заживо отпеты.

Ложью несусветною,
Выдумкою вздорною
Очернили светлое,
Обелили черное.

РОЖДЕСТВО

Вздыхаю оробело,
Поверить не могу,
Что окопались белые
На Бежином лугу.

Корниловы да власовы
Вступились за царя.
Светлейший князь Апасов
У них за главаря.

Смиренный раб Валерий
Трубит державный сбор.
О православной вере
Заныл Большой Собор.

Живые и музейные —
Со всех материков —
Слетаются рассеянные
Души беляков.

Мерцают свечи длинные,
Толпясь у алтаря:
За рвано-неделимую,
За веру и царя.

Читаю ночь целую —
Захватывает дух:
Ну окопались белые
В журнале «Бежин луг»!

Галдят мальчишки здешние,
Колдуя над костром:
Откуда эти лешие
И — белые притом?

Клубится кучка пестрая
Приблудных упырей.
Подайте саблю острую
Чапаеву скорей!

7 января 1997 г.

ВЯТИЧ

В дни невзгод и ненастья
Ни Христос, ни Аллах
Не спасут от напасти,
Не развеют наш страх.

Не Пегас, не Меркурий,
Не хмельной Демократ —
Вятич в тигровой шкуре
Наш защитник и брат!

ПАЛКА

Мужик — чудак и дуралей,
А проявил смекалку:
— Осталась тыща без нулей —
С единственною палкой!

Пустили палку в оборот,
Чтоб ловко и проворно
Лупить доверчивый народ
И подгонять реформы...

* * *

Народ от Бога ждал чудес
С надеждою туманной:
Вот-вот посыплется с небес
Снежок с крупою манной.

Бездельники и болтуны
Зубами жадно клацали,
Да тигром прыгнула с луны
На всех деноминация.

Кляня недобрый день и час,
Шутил мой давний кореш:
Мол, с Богом спорил много раз,
А с тигром не поспоришь!

* * *

Смешной девчушке снится брат,
Да жаль — не будет брата:
И папка в том не виноват,
И мать не виновата.

Беда уходит вширь и вглубь
И угробляет нацию,
Поскольку стал бесполым рубль,
Подвергнутый кастрации!

* * *

Все глубже и безутешней
Россия заходит в тупик.
Народ, терпеливый и грешный,
Давно к перетряске привык.

Ударно, угарно, уморно —
Безумно и подло подчас
Вожди углубляют реформы,
Как будто могилы для нас.

«БЕЖЕНЦЫ»

Спят и видят, спят и слышат,
Будто кто-то рвется в дом,
Будто им в затылок дышит
Черносотенный погром.

Не стихают эти страсти,
Этот гвалт и этот вой,
Укрываясь от напасти
За кремлевскою стеной.

ГОСТЬ

Гость большой и редкий
Дубу козырнул.
Ни одною веткой
Дуб не шевельнул.

Благостно-премудрый
Гость запел в сердцах
О туманном утре
И далеких днях.

Зашумела грозно
Барыня в окне:
— Эй, подайте розги!
Тошно слушать мне.

Стиснув гневно зубы,
Затаив печаль,
Сам хозяин дуба
Скрылся в Буживаль.

Радовался встрече
Любопытный сброд:
Сахарили речи
И глядели в рот.

Лишь мрачнел Герасим,
Великан немой,
Напрягая разум
Богатырский свой.

* * *

Снова встреча без галстуков —
Нараспашку душа.
А Россию горласто
Раздирает межа.

Незаметно для глаза,
Непривычно для нас
Уплывают алмазы,
Испаряется газ...

Смотрит хитро и зорко
Любознательный мир:
У царей — то разборка,
То охота, то пир...

Снова встреча без галстуков —
Нараспашку карман!
А в России — ненастно,
А в России — туман...

ХРИСТОС

Его распяли на кресте
Злодейски иудеи
За то, что в гордой чистоте
Хранил свои идеи.

Христос распят,
Христос распят,
Но чувствует всей кожей:
В народе снова воскресят
Пресветлый образ божий.

Христос воскрес,
Христос воскрес! —
И на щеках румянец.
Свершилось чудо из чудес —
Явился самозванец.

Две тыщи лет святой обман
Под православной маской
Пленяет душу христиан
Божественною сказкой!

ВОРОБЕЙ

Нет, он не строил козни,
Не осквернял уста.
Не подносил он гвозди,
Чтобы распять Христа.

За что клеймо иуды
И тяжкий груз вины
Несет малыш оттуда,
Из дальней стороны?

Мерзавцы обозвали
В насмешку воробья.
Живет он век в печали,
Страдая и скорбя.

Хранит он постоянство
И скромность мудреца,
И лишь одно гражданство
У этого лица.

С надеждою и верой,
Подвергнутый греху,
Несет пушинку серый
Под кровную стреху.

* * *

Скажи мне, ветка Палестины,
Где ты росла, где ты цвела?

М. Ю. Лермонтов

Скажи мне, ветка Палестины,
Где ныне родина твоя?
Где ты жила, где ты гостила,
Какие видела края?

Пока беспечно и бездомно
Склонялась ты в чужом краю,
Другое племя вероломно
Украло родину твою.

И полководец в дивной шали,
И дружеские короли
Ее из плена вызволяли,
Да и поныне не смогли.

Глядишь, из далей марсианских
Посланец Бога снизойдет,
Чтоб постоять за честь Голанских
Или останкинских высот!

ДЕЗЕРТИР

Один вернулся с костылями,
С помятой грудью — без крестов.
А этот, разводя руками,
С повинной вышел из кустов.

Другая боль,
Другая рана
В его душе, в его глазах:
— Я нынче вроде партизана,
А дезертиры — в теремах!

* * *

— Спокойной ночи, малыши! —
И грозный дядя Степа
Оберегал их сон в тиши,
Бродя и глядя в оба.

Седой Кавказ спустил шуру,
Пугая карой тяжкой.
Забился Филя в конуру,
И мечется Степашка.

И только в подходящий срок
Продавший черту душу,
Забрался в теплый уголок
И там жирует Хрюша.

Ему сейчас живется всласть —
Не зря его расперло!
И, восхваляя грязь и мразь,
Дерет Каркуша горло.

* * *

Игрив и ласков голос,
Смышлен и ловок сам,
Неуловимый Сорос
Влезает в душу к нам.

И в школы, и в музеи
По-свойски входит он.
Святые ротозеи
Кладут земной поклон.

С полушкой да с хлопушкой,
Да с прыткостью своей
Добрался он до Пушкина,
Пробрался до Кижей.

Пройдя моря и горы,
Без веры и креста,
Он словно пес матерый
Столбит свои места!

КРАСНЫЙ БАРОН

Цыгане хоронили
Барона своего.
Царили на могиле
Печаль и торжество.

Рыдания и песни
Бросали в жар и дрожь,
Покинул мир известный
И несравненный вождь.

Над итальянским гробом,
Безмерно дорогим,
Глуша раздор и злобу,
Звучал советский Гимн.

Открылась миру истина
В минуты похорон:
Был истым коммунистом
Загадочный барон!

* * *

И снова до боли знакомо
Заголосили гудки.
Уходят из Белого дома
На вечный покой мужики.

Отжились.
Отпились.
Отмылись
От явных и тайных грехов.
Теперь перед Богом явились
Под шелест речей и венков.

И снова дежурные ели
И постовые столбы
Печально и скорбно глазели
Поверх любопытной толпы.

Толпа же судила-рядила,
Молола и правду и вздор.
Вступал окончательно в силу
Негласный ее приговор.

Вздыхал возле Белого дома
Ильич, повернувшись спиной
И к этой толпе незнакомой,
И к этой России чумной.

БИВНИ

В Мценском краеведческом музее хранятся бивни мамонта, обнаруженные в песчаных карьерах.

В лесном затерянном овраге,
Где по весне ручьи рычат,
Водой обмытые коряги,
Как бивни мамонта, торчат.

А меж лесами и садами
Почудится в туманной мгле,
Как бродят мамонты стадами
По древней тельченской земле.

Откуда завернула стужа?
Откуда навалились льды?
И звери покидали Зушу
И уходили от беды.

В недобрый час в морской пучине
Песком их вечность замела.
Кто знает, по какой причине
Их гибель тут подстерегла?

Всплыла еще одна из версий
В демократические дни,
Что стали жертвою репрессий
В эпоху оную они!

* * *

Беснуется перед глазами,
Кривляясь с утра до утра,
С лохматыми волосами
Гнусавая мошкара.

Россия, бесовству внимая,
Безмолвно зубами скрипя,
Слепая, глухая, немая,
Глядит и не видит себя.

Не чувствует горечь глумленья
Бунтарский униженный дух.
Верните ей голос и зренье,
Верните ей память и слух.

Верните, что кровно и свято,
Что Бог ей давал и дает.
Иначе по праву солдата
Сама она это вернет.

ДЕЖУРСТВО

Волна томительного чувства
Нас отрывает от окна.
В ночное небо на дежурство
Выходят звезды и луна.

Набросив курточки на плечи,
Шагаем мы на помощь им.
Тревожный вечер, душный вечер
Навис над парком городским.

Скорей туда, где стонет пляска,
Где тускло светят фонари.
Ночь разрывает на повязки
Полоску алую зари.

* * *

Апрель задохнулся от чоха
И кутает в тряпочку рот.
Гриппозная наша эпоха
Сопливых за горло берет.

Плывут над землею весенней
Испуганные времена,
И с трепетом ждет осложнений
Шунтованная страна.

ДИКАРИ

Спустились марсиане
Под видом дикарей
И стали на поляне
Расстреливать гусей.

Неведомый мерзавец
Выделывал прыг-скок:
Хватал гусынь-красавиц,
Запихивал в мешок.

Гусак о землю бился
Простреленным крылом:
Шипел и матерился,
Гонясь за чужаком.

И, чудом уцелевший,
Созвал он в тесный круг
От страха ошалевших,
Израненных подруг:

— Разбойников нездешних
Я заклевать бы мог.
Но пусть карает грешных
Сам марсианский Бог.

А Бог, являя норов,
Рассвирепев, как бес,
Их счел за мародеров
И сбросил всех с небес.

Плевать им на расправу! —
Они в числе гостей
Подались всей оравой
В Москву на юбилей.

* * *

Дядя по полю бродил,
Дядя планы городил,
Дядя душу бередил
Барскими хоромами.

Не сошлись добро и зло,
Планы ветром разнесло,
Поле дико заросло
И пестрит коровами.

То ли дядя плутоват,
То ли барин вороват,
То ли ветры шелестят
Крыльями багровыми?

* * *

Шумел блокадник, тужась
В запальчивой гордыне:
— Кто пережил тот ужас,
Не стал скулить бы ныне!

Я не сдержал досаду
И вслух заметил дяде:
— А ты, видать, блокаду
Изведал в Ашхабаде?

* * *

Распознаю их по сноровке,
По хватке их распознаю,
Хотя лихие полукровки
Не обнажают суть свою.

Неповторимые метисы,
Волшебники и мастера,
Петляют и ловчат, как лисы,
Чтобы погреться у двора.

Они, не мудрствуя лукаво,
Переметнутся в теплый стан,
Где на виду чины и слава,
В ходу интриги и обман.

Они по телеку лютуют,
Они по радио хамят,
Забыв, что в мире существуют
И русский гнев,
И русский мат.

Ревнивый голос родословной
И романтическая спесь
Их призывают к мести кровной
За потревоженную честь.

Не выясняйте в лодке узкой,
Какой вы веры и кровей:
Сегодня каждый —
Полурусский,
Полумонгол,
Полуевреи...

Для всех кровей и полукровок
Россия — родина и мать,
И тяжкий грех — обидным словом
Ее пинать и унижать.

* * *

Кремлевская рыжая птица,
Унюхав диковинный стол,
Качнула крылом над столицей
И заспешила в Орел.

Слетались на барские крохи,
Попутно обшарив репьи,
Всезнающие пройдохи —
Вороны и воробьи.

Они у стола увивались
И примеряли места.
Лишь лебеди тихо плескались
У подвесного моста.

* * *

Кроты Россию источили,
Слепцы Россию извели.
Гнилые кочки, словно чирьи,
На теле матушки-земли.

У наших сел и деревенек,
Среди разлужий и лесов
Заглох бессонный муравейник,
Как неизбывной жизни зов.

Россия жрет и пьет по-свински,
Россия беспробудно спит.
Ей нужен вовсе не грузинский,
А чистый муравьиный спирт!

ЗЮГАНКА

Не в долине Нила или Ганга,
А в верховьях Зуши и Оки
Колосилась на ветру зюганка*
И гордились ею мужики.

С затаенным чувством ребятишки
Ожидали новину в году.
Выпекала женщина коврижку
На каленом золотом поду.

В царстве дымной деревенской хаты,
Возле русской печки и дежи
Вырастали бойкие ребята —
Головастые крепыши.

Выходили в поле спозаранку,
Развернув севалку на груди:
Сеяли сноровисто зюганку,
Ожидая чуда впереди.

Высевая вместе с нею душу,
Издавна уверовал народ,
Что зюганку ни жара, ни стужа,
Никакая слякоть не берет!

* Зюганка — один из видов зимостойкой пшеницы на Руси.

НАБАТ

Горбатый мост шахтерской каской
Дубасит сытую Москву.
Делец с тревогой и опаской
К дверному тянется глазку.

Шумит вельможа зло и бранно,
Заслышав стуки за версту:
«Опять заблудшие бараны
Башкою лупят по мосту!»

А эти милости не просят
И не сдаются — видит Бог!
Беспалый их с моста не сбросит
И не согнет в бараний рог.

Уставший от кремлевских сказок,
Бунтует русский домовой.
Мятежный звон шахтерских касок
Плывет набатом над страной.

* * *

Обманули Россию,
Довели до петли:
Сколько лиха вкусили,
Сколько сраму снесли!

Вновь в висках застучало,
Заломило в груди.
Это только начало —
Беды все впереди.

Будет круче и горше,
Чем во время чумы.
Не спасет нас Егорша
От сумы и тюрьмы!

* * *

В последний год тысячелетья
Вползает куцая страна,
И, оборвав ее соцветья,
Сбежал с позором сатана.

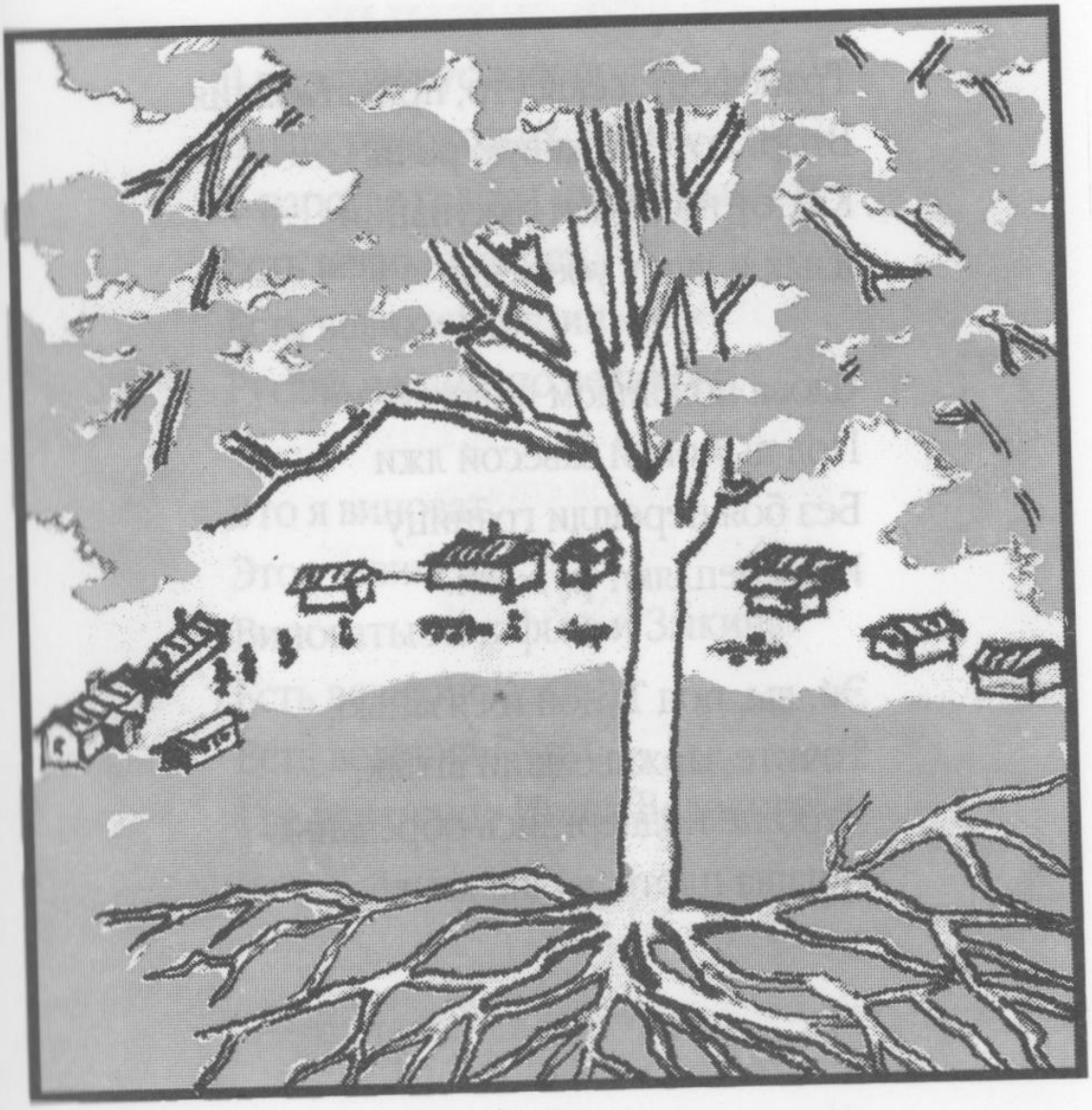
Скрывая черные деянья,
Вконец осточертевший всем,
Он в поздний срок на покаянье
Заторопился в Вифлеем.

Наверняка святым в Россию
Вернется этот дуролом,
Поскольку горькая осина
Давно соскучилась по нем!

РУБЕЖ

Прошагал двадцатый век
В звездах и наколках.
Заблудился человек
В трех соснах и елках.

На каком ты рубеже
И в каком ты стане? —
Большевик засел в душе,
Демократ — в кармане!

* * *

Трансферт, секвестр, приватизация
Вторгаются в живую речь.
Как от ползучей оккупации
Язык и душу уберечь?

Слова под видом инвестиций,
Под дымовой завесой лжи
Без боя перешли границу
И закрепляют рубежи.

Эй, вы, под Тулой и Рязанью,
Точите заржавевший штык,
Чтоб не подверглись обрезанью
И наша плоть, и наш язык!

* * *

В царстве русских полей,
В царстве русских долин,
В царстве говора многоязыкого
Есть великий еврей,
Есть великий грузин —
Русака незаметно великого.

Это я виноват,
Это ты виноват,
Виноваты Астафьев и Зыкина:
Есть великий Иосиф,
Есть великий Булат —
Где найти мне Ивана Великого?

У ЛУКОМОРЬЯ ДУБ ЗЕЛЕНЫЙ

При виде строк и строф крученых
Меня охватывает злость:
О, сколько их, котов ученых,
На этом свете развелось!

Поройся в книгах и журналах,
Библиотекаря спроси:
О, сколько белок и русалок
На поэтической Руси!

Я так люблю весну и осень
За необычную красу:
О, сколько их, берез и сосен,
Поэзия, в твоем лесу!

И лишь шумит могучей кроной,
Корнями уходя в века,
У лукоморья дуб зеленый,
Один-единственный пока.

И все леса благоговеют
Перед его резным листом.
И никогда не заржавеет
Златая цепь на дубе том.

И все мы не похожи вроде
Своей судьбой ни на кого,
И все поныне ходим-бродим
На той цепи вокруг него!

ДОЧЬ

Давно стихи забронзовели,
И сам забронзовел давно,
А дочь в любые дни недели
К нему приходит все равно.

Присев на краешке скамейки
У памятника на виду,
Она смежает скорбно веки,
Переживая ту беду.

Вся в черном — сущая монашка,
Оберегая свято честь,
Вздыхает пушкинская Машка,
А Машке — восемьдесят шесть.

Застенчиво и оробело,
Как сквозь магический кристалл,
Она на Пушкина глядела,
Но он ее не узнавал...

МУЖЬЯ

Пришли иные времена,
Иные торжества в разгаре.
Единоверная жена
Свела их на Тверском бульваре.

Один из сказочных мужей
Признался с тихою печалью:
— Я уберег твоих детей,
Я защитил твою Наталью...

— Благодарю вас, генерал,
За все заботы и печали.
Я никогда не умирал —
Меня лишь в бронзу заковали.

Чтоб я, безумец и злодей,
Ревнивец пылкий и упрямый,
Отныне не страшил царей
И не дразнил их эпиграммой.

НОЧЬ

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит.

М. Ю. Лермонтов

Тревожно и устало
Приподымалась грудь.
Как лезвие кинжала,
Блестел кремнистый путь.

О смерти неизбежной
Ворчал сердито гром.
Поэт по-братски нежно
Прощался с Машуком.

Сегодня бунт сердечный
Ему не превозмочь.
Тянулась бесконечно
Мучительная ночь.

У самого порога
Блестел кремнистый путь,
Кремнистая дорога,
Нацеленная в грудь.

КОНЬ

Года, как заросли, раздвинув,
Я увидал издалека:
В поэта целится Мартынов
На дальнем склоне Машука.

В порыве гнева с ярой силой
Гроза обрушилась на лес.
На весь Кавказ, на всю Россию
Заржал в отчаянье Черкес.

С тех пор о многом позабыто,
Другой к закату век идет.
А конь все так же бьет копытом,
А конь все так же скорбно ржет.

Сквозь вековое расстоянье
До боли трогает меня
Неумолкающее ржанье
Осиротевшего коня...

МАТУШКА

Живя за границей, Тургенев получил диковинную посылку из дома.

Стосковалась о заблудшем сыне,
Что забыл о ней в чужом краю.
Шлет ему посылку из России
И молитву слезную свою:

«Столбовая русская дворянка,
Я желаю только одного,
Чтобы ты проклятую цыганку
Выдворил из сердца своего!

Умоляю, дорогой и милый,
Чтобы под счастливою звездой
Ты построил собственную виллу,
Свил бы себе теплое гнездо».

Долгой и неведомой дорогой
Шла посылка с шелковой тесьмой.
И счастливец трепетно потрогал
Редкую диковинку рукой.

А потом оторопело замер,
Не способный разумом постичь:

Почему возник перед глазами
Спасско-лутовиновский кирпич?

И вздохнул печально и устало,
Матушку за шутку не виня:
«Сколько лет за пазухой держала
Дорогой подарок для меня!»

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Июльские грозы басили,
Горланили птахи окрест,
Когда он вернулся в Россию,
В возлюбленный Мценский уезд.

Поднялся над тихою Зушей
Великий ее гражданин,
Лаская озябшие души
Немеркнущим светом седин.

Тревожно над статуей в парке
Плывут облака и века.
Восторженные амчанки
Боготворят земляка.

Они затаенно по-женски
Ему благодарны за то,
Что он поселился во Мценске
Без этой мадам Виардо!

20 июля 1999 г.

* * *

Василию Катанову

Я тону в житейском море,
Допекли меня дела.
В каждом споре,
В каждой ссоре
Раскаляюсь добела.

Превращаюсь в чумового,
Невменяемым кажусь.
С полувзгляда,
С полуслова,
С полувзмаха завожусь.

Ну а друг махнет рукою
И уложит наповал:
— Это самое такое,
Без чего бы ты пропал!

Утверждал же захмелевши
Знаменитый лирик Фет:
Если ты не сумасшедший,
То какой же ты поэт?

* * *

Опять в усадьбе Фета
Вздыхают соловьи,
Что бедному поэту
Не повезло в любви.

Святая невезучесть! —
Ей надо дорожить,
Чтоб, радуясь и мучась,
На белом свете жить.

Без этих мук и страсти,
Ошибок и грехов
Мир не познал бы власти
Пленительных стихов.

Поэты плавят в радость
Свою печаль и боль,
Всю жизнь душевно тратясь
На вечную любовь.

Пусть в этот вечер летний
Напомнят соловьи,
Что нет любви последней
И первой нет любви...

Поздняя метель

* * *

Мне прямо в сердце метили
Осколки прежних дней.
Еще живут свидетели
Шальной любви моей.

Душа перекипела,
И испарилась боль.
Лишь на висках осела
И затвердела соль.

* * *

Бесшабашной тройкою промчалась
Явно опрометчивая жизнь.
Незаметно подкатила старость,
И былые страсти улеглись.

Долго и мучительно молчавший,
Не рискую вновь заговорить.
Третий лишний —
Без вести пропавший —
Не завяжет порванную нить.

Ничего нельзя переиначить,
Невозможно ничего вернуть.
Лишь порою мечется и плачет
Колокольчик,
Разрывая грудь...

* * *

Ты в тоске моей не виновата,
Потому что убеждаюсь вновь,
Что всегда слегка холодновата
Родниково-чистая любовь.

Кто душою маялся, тот знает,
Что любовь — бессрочная страда,
Потому она не замерзает
Пошловатой корочкою льда.

* * *

Мне эти березы знакомы,
Знакомы осины твои.
Когда тебя не было дома,
Я им признавался в любви.

Хотелось шутить и лукавить,
Болтать от души пустяки.
Они завязали на память
Тугие свои узелки.

Весна распечатает почки,
И ты с удивленьем прочтешь
Моих откровений листочки,
Где правда похожа на ложь.

ЛАСТОЧКА

Дмитрию Блынскому

Целый вечер у меня в соседстве
Милые болтает пустяки
Сверстница, из-за которой в детстве
Написал я первые стихи.

— Я искала парня с головою,
А попался вовсе не орел.
Убежала б я теперь с тобою,
Да сынишка держит за подол.

Волосы приподняли кепчонку
На моей дубовой голове.
Вспомнил я далекую девчонку —
Ласточку в весенней синеве.

Неужели это ты в соседстве
Милые болтаешь пустяки,
Девочка, из-за которой в детстве
Написал я первые стихи?

* * *

Отлюбило сердце, отлюбило
Все, что было дорого ему,
Все, что было дорого и мило,
Потонуло в голубом дыму.

Отболело сердце, отболело,
Тихо и задумчиво стучит.
Только все, что в том огне кипело,
На душе осело и горчит.

Просветлело сердце, просветлело —
Снова вижу далеко окрест.
Только дым любви той обгорелой
До сих пор глаза незримо ест.

ЗЕЛЕНАЯ ГРУСТЬ

Снимаю дорожную тяжесть,
Киваю хмельной головой:
— Опять ничего не скажешь?
Опять ничего за душой?

Товарищ почтовый ящик,
Хоть что-нибудь расскажи.
Иль ты истукан настоящий
И нет у тебя души?

Открылся почтовый сердечно,
Заговорил нараспев:
— Я сам дожидаюсь словечка,
От грусти позеленев...

* * *

Я раскаялся горько теперь,
Ощущая житейскую стужу,
Что в твою не стучался дверь
И в твою не ломился душу.

Убегая от глупой тоски,
Мы нечаянно стукнулись лбами.
А ведь были довольно близки,
Чтоб коснуться друг друга губами.

Сколько жить одному бирюком!
Невеселые мысли нависли.
Я сижу, подперев кулаком
Невесомо-тяжелые мысли.

* * *

Мы с тобой дружили с детских лет,
Скупо и таинственно любили.
А потом мне горестно вослед
Журавли разлуку протрубили.

Я ушел из юности один
По местам глухим и незнакомым.
Первая любовь,
Что первый блин,
Вышла комом...

* * *

Любовь обнимают до хруста,
Ее обзывают земной.
А я это дивное чувство
Боялся потрогать рукой.

А мне-то хотелось как знамя
По жизни любовь пронести,
Чтоб трепетными губами
Однажды коснуться в пути.

* * *

Девочки хорошие,
Мной ревниво брошенные!

Не браните грешного,
Грубого и нежного.

Глупого и умного,
Тихого и шумного.

Буйного по-вешнему,
Вашего по-прежнему.

Был такой таинственный,
Может быть, единственный.

Скверный и хороший,
Вами тоже брошенный!

* * *

Изведав боль душевной раны,
Недолго маялась она,
Сыграла в Ларину Татьяну
И загрустила у окна.

Сидела, каялась, вздыхала,
Желая только одного:
Как дотянуть до генерала
Скорее мужа своего?

* * *

Забыв о пыльных васильках
И грязных сельских верстах,
Она витала в облаках
И грезила о звездах.

Потом скрывалась от беды
В палатках и вагонах,
А три заветные звезды
Поймала на погонах.

* * *

Мы о звезды с тобой обожглись
И расстались без лишнего звука.
Растянулась на целую жизнь
Непредвиденная разлука.

Снова прячу глаза от молвы,
Ибо память, лукаво колдуя,
Все свалила с больной головы
На мою безответно седую.

Мне хватило бессилья и сил,
Чтоб забыть все, что было и сплыло.
Я тебя за измену простил,
Ты за верность меня не простила.

* * *

Обмануть доверчивую душу —
Значит, грех великий совершить:
Грубым словом
Можно оглоушить,
Нежным словом
Можно оглушить.

Сколько лет
Старалась безуспешно,
Сколько зим
В засаде стерегла,
Чтоб однажды
Ласково и нежно
Нанести удар из-за угла.

Принимаю боль
Как будто милость,
Хоть и не доказана вина:
Сотрясенья мозга не случилось,
А душа потрясена до дна.

* * *

Рано ты меня похоронила
И отпела: «Боже, упаси...»
Мне еще не хочется в могилу,
Я еще помаюсь на Руси.

Я зарылся в дальней глухомани,
Ковыряюсь в дедовской земле.
Заплуталась молодость в тумане,
Старость затеряется во мгле.

Слепо и нетрезво ковыляя,
Я бреду заглохшим пустырем.
Женщина чужая и родная
Стала для меня поводырем.

Эта терпелива и бедова,
Пересилит горе и напасть
И меня, хмельного и шального,
Не уронит и не бросит в грязь.

Рано ты меня похоронила
И отпела: «Боже, упаси...»
Мне еще не хочется в могилу,
Я еще помаюсь на Руси.

* * *

Знать, поверив глупой сплетне
И недобрым голосам,
Ты хлестнула, словно плетью,
Грубой фразой по глазам.

На виду слепых и зрячих
Я понес вдоль большака
Два молчащих,
Два кричащих,
Два горящих синяка...

* * *

Снится мне ненастными ночами,
Словно ты, судьбу свою кляня,
Под венец на тройке с бубенцами
Мчишься мимо Мценска и меня.

Стылый воздух разрывая грудью,
Пролетела тройка с ветерком.
А душа осталась на распутье —
Где-то между Тулой и Орлом.

А твои непрошеные слезы,
Что осели на ветвях берез,
Густо осыпаются в морозы
Инеем пушистым на откос...

Эта сказка в молодости снилась,
Эта сказка снится старику.
Ничего такого не случилось
На моем и на твоем веку.

Просто ты,
Вздыхая по привычке,
Гордое молчание храня,
С мужем на знакомой электричке
Мчишься мимо Мценска и меня.

ПОЗДНЯЯ МЕТЕЛЬ

Деревянный домик на Щемиловской
Оживает в памяти порой.
Здесь давным-давно
Чудак гудиловский
Гостевал метельною зимой.

Видимо, таинственная сила
Заманила в этот тихий дом.
У порога зло пурга скулила,
Выл ревниво ветер за окном.

Юную хозяйку огорчая,
Я сердился, не скрывая злость:
Неужели вместо кружки чая
Ничего покрепче не нашлось?

Переждать бы мне шальную вьюгу,
Застолбить бы угол и порог.
Огорчил я давнюю подругу
И ее мольбою пренебрег.

Дернул меня черт заторопиться
И податься в снеговую муть,
Чтобы через годы возвратиться
И на эту улицу взглянуть.

Как увижу домик деревянный,
Сердце защемит и запоет.
Снова крутит ветер неприкаянно
И метель клубится у ворот.

* * *

Я был отчаянным тихоней
В далекой жизни холостой.
А ты на местном небосклоне
Сияла яркою звездой.

Красивой, гордой, именитой
Казалась ты в глазах родни,
Какой, наверно, знаменитой
Ты стала в нынешние дни!

Встречая свой шестидесятый,
Ты сердцем чувствуешь зенит.
Но почему про эту дату
«Хранитель времени» молчит?

* * *

За окном крещенские морозы,
А в моей избушке на окне
Поселилась веточка березы
И тайком вздыхает о весне.

С каждым днем
Нежнее и тревожней
Ожидаю чуда не дыша:
Ну когда же зазвенят сережки
И твоя распустится душа?

* * *

Душа запуталась в кусту,
Закутанная сн гами.
Я все равно не прорасту
Зелеными побегами.

Пронянчил рифмы дуралей,
А сыновей не вынянчил.
Мне жить бы Хорем на земле,
Да угодил в Калиныча!

* * *

Не отрываюсь от земли
И шибко не горюнюсь,
Что рано травы отцвели
И отзвенела юность.

Устав от молодых забав,
Я с ними не прощаюсь,
А пью отвар тех самых трав
И в юность возвращаюсь!

* * *

Не шучу. Не спорю. Не перечу.
Сумрачно. Туманно. Далеко.
Жизнь моя —
Клубок противоречий,
Размотать который нелегко.

Тот клубок —
Обычный и особый.
Если даже сможешь размотать,
Все равно не думай и не пробуй
Заново судьбу мою связать.

КАНАВКА

Позабытая дорожка
Заросла сиренью сплошь.
Собирала тут гармошка
Вечерами молодежь.

Гармонист водил руками,
Закусив слегка язык.
И гудел под каблуками
Пятачок и — материк!

Удалялся месяц старый,
Допоздна светить устав.
Расходились тихо пары
По домам и по кустам.

Лишь одна канавка знала
Сокровенные дела:
Сколько тайно обвенчала,
Сколько тайно развела!

ТЕНЕК

Не ожидая загодя,
Что попадем в жару,
Мы собираем ягоды
На солнечном бугру.

Волшебное светило
Ласкает и печет.
Обоих разморило
И в холодок влечет.

Сбежим от этих тягот
И спрячемся в тенек,
И будет слаще ягод
Малиновый сосок...

ПЕТРОВ ДЕНЬ

В грозовую ночь июля
Ветер лихо завывал.
Мы же, солнце карауля,
Забрались на сеновал.

Ты стыдливо ворковала,
Мне хотелось петь и выть.
Оказалось ночи мало,
Чтоб за солнцем уследить.

А оно прокралось лугом
И залезло в наш сарай.
Отмахнулась ты с испугом:
«Ради Бога, не мешай!»

Я заметил солнцу строго,
Почесав в сердцах висок:
«Ты явилось раньше срока —
Погуляй еще часок!»

* * *

Всякой твари — по паре
Предназначено быть,
Чтоб любиться в угаре
И подобных плодить.

Всякой твари — по паре,
Ну а я вот — один:
Сам себе пролетарий,
Сам себе господин!

* * *

По осиннику,
По орешнику,
По малиннику наугад
Мы, три циника,
Мы, три грешника,
Пробирались в запретный сад.

Залегли у канавы
Три кореша
Да и замерли не дыша:
Ненаглядная дочка сторожа
Хлопотала у шалаша.

Брови — дугами,
Нос — горбинкою
И обтянута блузкой грудь.
Мы любуемся дивной блондинкою
И боимся случайно спугнуть.

Каждый ухарь
Поежился зябко,
Каждый грешник
Печально затих:
«Как же нам
Два пленительных яблока
Поделить на троих?»

СОСНА

Вечно молода и зелена
Поселилась во дворе сосна.

Старая дуплистая ракита
Зароптала листьями сердито.

Стройная печальная береза
Посмотрела откровенно косо.

Шибко знаменитая рябина
Подошла и тонко нагрубила.

Тихая божественная верба
На ветру поеживалась нервно.

Лишь высокий добродушный клен
Оказался по уши влюблен.

Вечно молода и зелена
Поселилась во дворе... весна!

* * *

Ну бросай к чертям, бросай
Все, что опостылело,
Да почаще навещай
Взгорок у Бастыево.

Завернешь в знакомый лес,
Вздрогнешь у колодца:
Никаких таких чудес,
Только блики солнца...

Средь густого дубняка,
На полянке тихой
Повстречаешь Бирюка —
Станешь Бирючихой!

С милым рай бы в шалаше
Под густой овчиной.
Только муторно душе
С прялкой и лучиной.

Сам всю ночь напролет
Бродит по опушке:
Барский лес стережет —
Ушки на макушке...

Загрызет тебя тоска,
И с обидой горькой
Ты сбежишь от Бирюка
На мою горку!

ВЬЮГА

Эле

Елки-палки — лес густой! —
Завывала вьюга. —
Что ты ходишь холостой?
Где твоя подруга?..

В дни душевной маеты,
Горькой и недужной,
Я хмелел от красоты —
Ветреной и вьюжной.

Все бывало во хмелю,
За чертою круга:
Я шептал пурге «люблю»,
Обнимал же вьюгу.

Все досталось мне в удел:
Омуты и мели.
Снежный ветер отшумел,
Отмели метели.

Виснет месяц у ветлы,
Золотой, безрогий:

* * *

Дали поздние светлы
И светлы дороги.

Елки-палки — лес густой,
Тишина в округе.
Я давно не холостой,
А женат на вьюге!

* * *

В конце весны,
В начале лета
В погожий день,
В ненастный день
Цветет сирень в усадьбе Фета.
Цветет в Козюлькино сирень.

Сюда измученный и сирый,
С кругами синими у глаз
Пришел герой «Войны и мира»*
За исцеленьем в тяжкий час.

Он шел сиреневой аллеей,
Вдыхал сиреневый настой,
И становилась жизнь светлее —
Такой понятной и простой.

Порой бывает нелегко мне,
Порой на сердце ляжет тень,
Я говорю: живи и помни —
Цветет в Козюлькино сирень!

---

* По словам Н. П. Пузина, внучатого племянника Фета, отдельные сцены фильма «Война и мир» Сергей Бондарчук снимал в Козюлькино.

Бессмертник

* * *

От городских переживаний
И реформаторских страстей
Умчит меня автобус ранний
В прохладу лип и тополей.

Нырну в лесное захолустье
И затеряюсь в той глуши,
И разряжусь от глупой грусти
Во здравье тела и души!

* * *

Природа, ты — моя больница
И лучший санаторий мой.
Я прихожу к тебе лечиться
Весною, летом и зимой.

Всегда приветливо и нежно
Меня встречает у костра
Березка в форме белоснежной,
Как медицинская сестра.

* * *

Этот лес
Подарен мне в наследство.
Этот луг
Завещан предком мне.
Я блуждаю по тропинкам детства
В дедовской былинной стороне.

По земле, где вольно и просторно,
Прохожу легко и не спеша:
Сердце замирает от восторга,
Музыкою полнится душа.

Несказанно радостно и грустно
Шелестит зеленая листва.
Наплывают песенные чувства,
В очередь становятся слова.

Хорошо в сторонке от дороги
Поваляться на густой траве.
Ни о чем не думаешь,
А строки
Сами возникают в голове.

Тут про все услышу и узнаю,
Расспрошу у дедовской избы.
Я в свою деревню приезжаю
За стихами,
Словно по грибы.

* * *

Погляди:
За речкой,
За Пчелиным бродом
Забелела гречка,
Задышала медом.

Пьешь не просто воздух,
А настой медовый.
Думаешь о звездах
В тишине садовой.

Сам ты в мирозданье
Кажешься пчелою,
Что летит за данью,
Данью восковою.

Скор и неприметен
Твой пчелиный век.
Все равно на свете
Ты счастливей всех.

Ты видал за речкой,
За Пчелиным бродом,
Как белела гречка,
Как дышала медом.

* * *

Куда девались те орловские,
Неповторимые луга,
Где вечерами августовскими
В тумане плавали стога?

Куда пропали заповедные,
В цветах и ягодах, холмы,
Где зори росные рассветные
Встречали косарями мы?

Куда попрятались с опушек
Чабрец, душица, зверобой,
Лишив таинственных старушек
Волшебной силы колдовской?

Лишь память бережет застенчиво
Весь этот мир и красоту,
Как романтическая женщина
Свою заветную мечту.

ПОДОРОЖНИК

Ни скрип колес тележных,
Ни топот конских ног
Не потревожат прежних,
Заброшенных дорог.

А он дорогой бредит,
А он упрямо ждет,
Что кто-нибудь проедет,
Что кто-нибудь пройдет.

Все слушает, все слушает
Минувших дней мотив,
Развесистые уши
По ветру навострив...

* * *

В туманном просторе вечерних полей
Закружится вдруг голова.
Пленяют игрой разноцветных огней
Загадочные острова.

Дорога бежит по лесам и лугам,
И кажется с большака:
Плывут деревеньки к родным берегам,
Как будто на свет маяка.

* * *

Соберу и уложу в рюкзак
Все свои обиды и печали
И тропинкой выйду на большак
И пойду в неведомые дали.

Побреду, рассеивая грусть,
Кланяясь березам и осинам.
И домой под вечер возвращусь,
Все тревоги за спину закинув.

И поверю я без лишних слов
Всем, кто вечно бродит и кочует,
Что дорога лучше докторов
Ветром и усталостью врачует.

* * *

Желтою пупавкой
Свесилась луна
Над моей палаткой
Возле валуна.

Тихо, зябко, росно.
Ни души кругом.
Только в небе звезды
Бродят табуном.

Взгорок, словно сопка,
Каменист и лыс.
Ящерицей тропка
Убегает вниз.

Ежиком свернулась
Кочка на лугу.
Былка шевельнулась.
Мышкою в стогу.

Смолкло птичье пенье,
Потемнел бугор.
Соберу сравненья —
Разожгу костер!

* * *

На выгоне ребята
Гоняют шумно мяч.
Ручьи, что жеребята,
Несутся с горок вскачь.

Хрустальною уздечкой
Звенит весна вокруг,
И выбегает речка
Из берегов на луг.

Размашисто, игриво
Спешит она вперед,
Чтоб почесаться гривой
О древний Самород.

* * *

Бурчит река сердито —
Аж пена на губах:
Осины и ракиты
Подрублены в кустах.

Бессонные анчутки
Без помощи пилы
Разделают на чурки
Лежащие стволы.

Не пожалеют спину
И ласт не пощадят:
И возведут плотину,
И хатки смастерят.

Устав от перегрузки
И всяческих хлопот,
Строители по-русски
Утрут соленый пот.

Древесные сухарики
Кромсают у норы
Известные сударики,
По прозвищу бобры!

* * *

Затаив тяжелую обиду,
Яблони понурые стоят.
Хмурится угрюмо и сердито
За колючей проволокой сад.

Проволока, злющая, как Жучка,
Цапает мальчишек за штаны,
Потому коварную колючку
Далеко обходят пацаны.

Средь безмолвной тишины и мрака
Не услышишь смеха или слов.
Лишь облает иногда собака
Залетевших пчел и воробьев.

Чутко взяв наизготовку слеги,
Тут столбы, как стражники, стоят.
Ну а их зеленые побеги
Лезут через проволоку в сад.

* * *

Березка надела зеленый убор,
А ветер, шаля по привычке,
Как дерзкий мальчишка,
Взбежал на бугор
И — дергает за косички.

В соседстве с березкой,
Где ветер свистит,
Принарядилась дубица.
А дуб на нее равнодушно глядит,
Как самый последний тупица!

* * *

Пылает жарко белый донник
На пустыре моей мечты.
А я стою и тру в ладонях
Его пахучие цветы.

Чудак — нашел себе работу,
Забросив срочные дела,
За что и наказала с лёту
Меня сердитая пчела.

* * *

Грозовая туча
В предвечерний час
Грузно и гремуче
По небу плелась.

Даже показалось,
Что Илья-пророк,
Поборов усталость,
Вниз ее волок.

— Освежи Россию! —
Выдохнул Илья.
Капли грозовые
Приняла земля.

Перестав томиться,
Пораскрыли рты
Страждущие птицы,
Листья и цветы.

Бога не приемлю,
А готов кричать:
— Пролилась на землю
Божья благодать!

БЕССМЕРТНИК

На бугре за речкой
Желтый свет не меркнет:
Загорелся свечками
Золотой бессмертник.

Замелькали лица,
Юные и старые:
Жаждут причаститься
Дивного отвара.

На песчаной взлобке
Желтые соцветья
Выдают по стопке
Горечь долголетья!

* * *

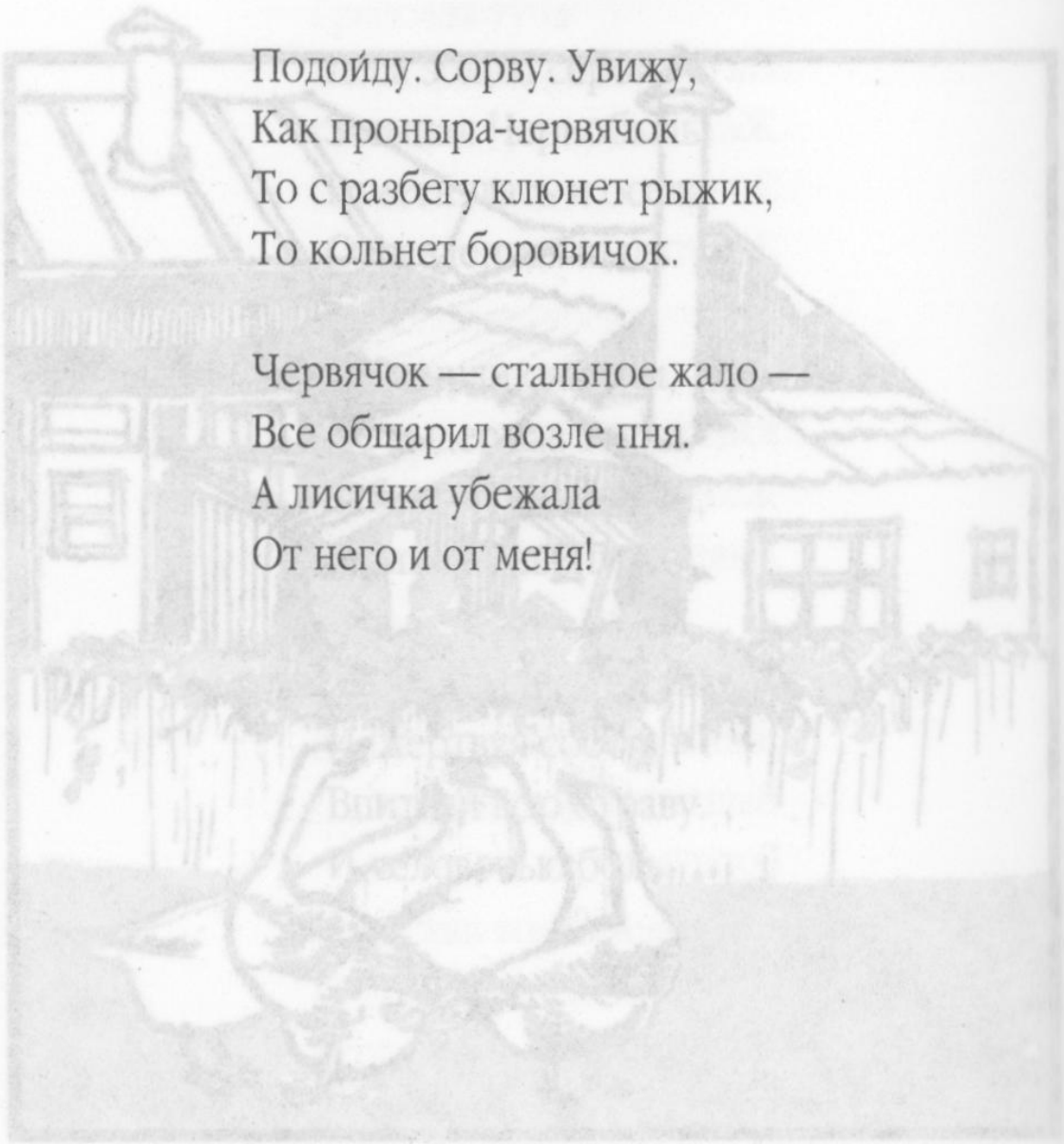
Леса золою серой
Засыпал Чернобыль:
Взметнулась и осела
Отравленная пыль.

Покинули опушки,
Не выдержав тоски,
Забавные свинушки,
Смешные свинушки.

Они укрылись в травы
И, жертвуя собой,
Впитали всю отраву
И человечью боль.

ЛИСИЧКА

Подойду. Сорву. Увижу,
Как проныра-червячок
То с разбегу клюнет рыжик,
То кольнет боровичок.

Червячок — стальное жало —
Все обшарил возле пня.
А лисичка убежала
От него и от меня!

* * *

Мне сказали:
Под Рязанью
Не леса, а сущий клад.
Там растут грибы с глазами
И прохожим в рот глядят.

Я бродил в лесах Мещеры
У заброшенной тропы.
Собирал в заветный короб
Эти самые грибы.

Из-под дуба, из-под ели,
Из-под кряжистого пня
Те грибы с мольбой глядели
И с надеждой на меня:

— Мы не прячемся под хвою,
Не скрываемся в траве:
Не пинай же нас ногою,
А погладь по голове...

* * *

Звала зеленая трава
Спросонок день вчерашний.
А снег еще до Покрова
Укрыл луга и пашни.

Вовсю буравили слепцы
Траншеи в снежных складках.
А семенные огурцы
Морозились на грядках.

Они лежали в поздний срок
Безмолвно и покорно,
И, лишь почуяв холодок,
Поеживались зерна.

* * *

Плескались забавно мальчишки,
Бросали девчонки венки.
Мелькнули, как яркие вспышки,
Веселого детства деньки.

Умолкла до лета кукушка,
За тучами спрятался гром.
Декабрь наступил на речушку
Своим ледяным сапогом.

* * *

Пушистый снег запорошил
Дремавший мирно сад.
Рябину шумно осадил
Неведомый десант.

Была потеха снегирей
Сладчайшей из утех.
Срывались ягоды с ветвей
И устилали снег.

Схожу от радости с ума,
Шатаясь по двору:
— Добро пожаловать, зима,
По красному ковру!

* * *

День такой озорной и слепящий,
Что рискованно высунуть нос.
Обжигающе-леденящий
У порога стоит мороз.

Дятел громко долбит телеграмму:
«Сорок градусов за окном!»
А синица стучится в раму,
Чтоб впустили погреться в дом.

А быть может, порхая устало,
Христорадничает она,
Чтобы просто кусочек сала
Ей повесили у окна.

* * *

Снег свалился на рассвете,
Словно белый домовой.
Уронила верба ветви
И поникла головой.

То ли это наваждение,
То ли божья благодать?
Но о Вербном воскресенье
Бесполезно ей мечтать.

* * *

Долго вьюги за окном гудели,
Выдувая из избы тепло.
А потом, в конце страстной недели,
Солнце по дорогам потекло.

Озорные молодые страсти
Охватили кур и петуха,
И от неожиданного счастья
Прослезилась старая стреха.

ТАНОК

Трава вкруговую примята.
Отметины на коре.
Водят танок телята
Под яблоней на горе.

Смышленые малолетки,
Любители вкусной еды,
Чешутся лбами о ветки,
Стряхивая плоды.

* * *

Калачики, калачики —
Как пуговки глаза.
Вы утром горько плачете,
А слезы как роса.

Почудится порою
Знакомый смачный хруст
И детство горевое
Почувствую на вкус.

* * *

Тишина насторожилась хмуро,
Спрятались все звуки в лопухи.
Не судачат на насесте куры,
Безмятежно дремлют петухи.

Кажется, что мир необитаем,
День скончался тяжко от забот.
Только Шумка где-то за сараем
Косточку и тишину грызет...

* * *

Воркуя в заброшенной печке,
Сгребая золу и пух,
Без фонаря и без свечки
Обсиживал место петух.

Таинственно и необычно
Белело яичко в углу.
Петух одобрительно-зычно
Выказывал похвалу.

Слетали хохлатки с насеста,
Зовя на поглядки подруг:
Вполне ли достойное место
Для них приготовил петух?

* * *

Тошнует ястреб на стогу,
Нетерпелив и хмур,
Высматривая на снегу
Следы беспечных кур.

Порой задремлет лиходей
И сладкий видит сон,
Как будто снова у сеней
Цыпленка сцапал он.

* * *

Эле

За мною бегает индюшка,
Гоняется молящий взгляд:
«Открой, пожалуйста, плетушку,
Пусти на волю индюшат».

Я отвечаю мамке рыжей:
«Пускай потерпят до поры:
Вон ястреб кружится над крышей,
Вон крыса смотрит из норы!»

Шумит индюк, разбойный с виду,
Не в меру проявляя прыть:
«Я сам не дам птенцов в обиду,
Я сам сумею защитить!»

И, важно обойдя плетушку,
Он ждет, желанием томим,
Когда застенчиво индюшка
Присядет снова перед ним!

АИСТ

Боже мой, на огороде,
В двух шагах, где я живу,
Белый аист бродит вроде —
Не во сне, а наяву!

Слушай, аист, будь мне другом,
Настоящим кучаком.
Аист прыгает за плугом
И за каждым червяком.

Мужички лежат под грушей,
Говорливы и пьяны.
Знаешь, аист, ты не слушай
Всякий вздор со стороны.

Только он взмахнул крылами,
Улыбнулся свысока
И понес пернатой маме
В цепком клюве червяка.

ГОРЮХА

Много дней сидела,
Пух в гнездо клала.
Зря надежду грела
И птенцов ждала.

Подложил разиня
В спешке свежаки.
Мечется гусыня
С горя и тоски.

Побродив по лугу,
Пошептав с травой,
Бросилась горюха
В омут головой.

* * *

Гусак спешил на речку
И малышей тянул.
Я выскочил навстречу
И беглецов вернул.

— Скорей домой, салаги!
А то неровен час —
Залетные бродяги
Перестреляют вас!

А гусь-то рвался в заводь,
Где тишь и благодать,
Где так раздольно плавать
И под гусынь нырять.

В речную гладь врастая
И голову задрав,
Он гордо вел бы стаю,
Являя пылкий нрав.

До самой зимней стужи
Ждала его река.
Пришибли в грязной луже
Задиру-гусака.

ПУШОК

Сижу и маюсь в тишине,
С трудом подыскивая слово.
Котенок ластится ко мне
Доверчиво и бестолково.

То молча удалится прочь,
То замурлычет на коленях,
Наивно пробуя помочь
В моих раздумьях и сомненьях.

Как черт,
Смекалист и учен,
И, словно бог, единокровен:
Возьмет да прыгнет на плечо,
Чтоб только быть
Со мною вровень!

БРАТИШКА

Услышал об этом мальчишке —
И вспыхнул живой интерес.
— А вы, вероятно, к братишке?
Да он спозаранку исчез!

Девчушка меня проводила
В домашний живой уголок.
— Сюда бы еще крокодила:
Увидел бы — приволок!

Лисенок, заметив хозяйку,
По-свойски хвостом завилял:
— Вот этого попрошайку
Хромого в лесу подобрал.

— А это зайчишка Гаврюха,
Ужасный любитель овса.
Прижился у нас карноухий —
Насилу отбили у пса.

— А этого дурня Мяуку
Швырнули слепого в овраг.
Братишка по этому звуку
Его отыскал в лопухах.

— Смотрите, какие гляделки
У этого чудака.
Сбежал от ежихи к тарелке —
Не может без молока!

— Увижу вот этого змея —
И в пятки уходит душа.
А он обовьет им шею
И ласково гладит ужа.

У брата такая сноровка,
Такой заговор-приворот,
Что скоро и божью коровку
Домой в поводке приведет!

* * *

Уводит дальняя дорога
В заглохший сельский уголок,
Где у щербатого порога
Меня всю жизнь зовет звонок.

Я постою на перекрестке
От старой школы в стороне,
И в белых фартучках березки
Помашут веточками мне.

* * *

Радуясь ребячьему азарту,
Я с улыбкой думаю о том,
Что сентябрь встречаю не за партой,
А за важным голубым столом.

Я вздохну в учительской украдкой,
Что осталось детство позади,
Что сейчас большую пересадку
Совершил на жизненном пути!

* * *

Невольно поведешь плечами,
Счастливо поглядишь вокруг,
Когда легко перед глазами
Взметнется лес ребячьих рук.

Одни с азартом ждут вопросы,
Другие долго морщат лбы.
А за окном шумят березы,
А за углом молчат дубы...

РЫЖИК

Мальчишка, видимо, отпетый,
Привыкший к разным чудесам,
Стоит и курит сигарету,
Пуская кольца к небесам.

Я подхожу к нему поближе,
Сердито за ухо ловлю.
— Ах, дяденька, — взмолился рыжий, —
Я так нотаций не люблю!

Был рыжик явно не по росту,
Не по летам смышлен и смел.
Недаром «Шипкой» слишком просто
И слишком рано овладел.

Ах, желторотый, желторотый,
Никто б тебя не укорял,
Когда б другие брал высоты,
Другие горы покорял!

ЛЮБКА

Робкой и застенчивой толстушкой
Подрастала девочка-дичок.
Приходила с бойкими подружками
На бедовый сельский пятачок.

Задирались глупые ребята,
Задевали походя плечом,
Словно Любка в чем-то виновата
Или грубо отказала в чем.

А когда, случалось, на вечёрке
К ней тянулась грубая рука,
Вздрагивали груди у девчонки,
Словно два взведенных кулака.

ПЕРЕРОСТОК

«Дядя Вася» был согласен,
Что ему пора в совхоз,
Ибо всех в девятом классе
Он изрядно перерос.

Поначалу был рассеян,
А потом немного зол:
Днем косил, пахал и сеял,
А как вечер — в школу шел.

Люди всякое мололи,
Люди всякое плели.
Ну а он учился в школе
Без отрыва от земли!

УРОК

Гудел урок обычной лепки,
Ребята темой увлеклись:
Их руки, чуткие и цепкие,
Легко улавливали мысль.

Хранит история поныне
Своих героев имена,
И оживала в пластилине
Давно минувшая война.

Летела грозная тачанка,
Мелькали в воздухе клинки,
И удирали с полустанка
Степной дорогой беляки.

Весь класс
Мечтал о жесткой куртке,
И каждый комиссаром был.
Лепили мальчики фигурки —
Учитель мальчиков лепил!

* * *

Гляжу на реющие флаги
И наглядеться не могу:
Веселый пионерский лагерь
Гудит на волжском берегу.

Ребята, сущие арапы,
От солнца прячутся в песок.
Широкой горьковскою шляпой
Прикрыл их бережно грибок.

Звучат мальчишеские песни
Над волжской ширью голубой,
И гордо реет Буревестник
Над их душой,
Над их судьбой...

ПОДАРОК

Эле

Ни уроков, ни отметок,
Ни душевной маеты.
Боже, сколько нервных клеток
Отдала ребятам ты.

За великое терпенье
И за добрые дела
Две пятерки в день рожденья
Жизнь тебе преподнесла!

* * *

— Скажи, упрямая девчонка,
Ответь, девчонка-егоза,
Зачем тебе такая челка,
Что нависает на глаза?

— Зачем? А я сама не знаю
И не привыкла объяснять.
По сердцу просто навесная,
А не коротенькая прядь.

Пускай она смешна немного
И нависает на глаза,
Не закрывала бы дорогу
И голубые небеса!

* * *

Устали чертовски мальчишки
По выставке шумной бродить.
Такие красивые книжки! —
Их даже во сне не купить.

Чем мыть по утрам иномарки,
Вот эти бы книжки прочесть.
Нелепо мечтать о подарке —
Не каждому выпадет честь.

Скрывая душевные муки,
Досадовал книжный делец:
— А все же с витрины три штуки
Увел неизвестный подлец!

* * *

Зарделась елка жарко
От новогодних звезд.
Заветные подарки
Вручает Дед Мороз.

Конфеты и печенье,
Как много лет назад,
Восторг и удивленье
Зажгли в глазах ребят.

Снегурка фантик спрячет
И облизнет язык:
— А что такое значат
«Октябрь» и «Большевик»?

ЗАВЯЗЬ

Ане Ивановой

В череде боренья и смиренья,
Светлых дней и замутненных лет
Новые вскипают поколенья —
Не поймешь:
Где пена,
А где — цвет?

Время разберется постепенно
В необычных мыслях и делах.
Ветер сдует лепестки и пену,
Но оставит завязь на цветах!

Чёрный юмор

ЯЗВА

Мне давно друзья толкуют:
Мол, женись скорее, черт!
Все болезни сразу сдует,
Сразу язва заживет.

Понимаю, принимаю
Добрый дружеский совет.
Долго голову ломаю:
То ли верить,
То ли нет?

Я хожу смешной, несвязный,
С тяжкой думой в голове.
Проживу с одною язвой.
Не хочу, чтоб было две!

«ТЮРЯ»

Завлекала среди бела дня
Озорная вдовушка меня.

Я смотрел угрюмо и устало,
А она проходу не давала.

Я краснел, смущенно балагуря,
А она вспылила:
— Эх ты, тюря!

Ну а я продолжил в том же духе:
Мол, пойдет и тюря с голодухи!

* * *

Бывало, щеголяли девки
Тугими косами до пят.
Вовсю горланили запевки,
Сводили сплетни про ребят.

Теперь все реже, реже, реже
Встречаешь косы у девчат.
Иная так себе подрежет,
Что только кончики торчат.

А все равно живут интрижки,
С кумою лается кума.
Ей-богу, от короткой стрижки
Не прибавляется ума!

ПЛЕВОК

Шагает по селу мужчина,
Как много-много лет назад.
На всех поглядывает чинно,
На все бросает хмурый взгляд:

— Все та же грязь,
Все та же серость,
Все те же тряпки на ветвях.
Послушай, грач, какую прелесть
Нашел ты в дедовских местах?

Презрительно взглянув на гостя,
Грач не ответил ничего,
А только плюнул с явной злостью
На шляпу модную его.

МАСТАК

Вернулся приятель с Камчатки,
Расхвастался неспроста:
— А мне все равно, что перчатки —
Профессии и места!

Мамаша глядит на сына,
Не наглядится никак:
— Ты с детства у нас молодчина,
На всякое дело мастак.

— Какая ты, право, растяпа! —
Обрушился батька на мать. —
Профессию надо, как бабу,
Одну на всю жизнь выбирать.

МУДРЕЦ

— А если вам признаться честно,
На сердце руку положа... —
Так говорил мудрец известный,
Чужую душу вороша.

Изображая боль и муку,
Не говорил, а ворковал.
А сам, прикладывая руку,
Умело сердце закрывал.

То засмеется, то застонет,
То возмутится: ах, нахал!
А сам, довольный, тер ладони,
Как будто руки умывал.

А если вам признаться честно,
На сердце руку положа,
То это был подлец известный,
Который резал без ножа!

* * *

Хватив в избытке лиха,
Не пересилив зла,
Безропотно и тихо
Она с ума сошла.

Блуждают злые духи
По селам-городам,
И лохи мрут, как мухи,
На радость господам.

Не верь нечистой силе,
Не покоряйся тьме:
Сошла с ума Россия,
Но Русь — в своем уме!

* * *

Обдав Россию жаром,
Шепнула радиация:
— Не тратьте время даром,
Лечите водкой нацию!

Чудесное лекарство!
А где добудешь денег?
И рвутся в божье царство
Трудяга и бездельник.

У Бога власти много,
А вот дела плохие,
Поскольку даже Богу
Не платят гробовые!

* * *

Гляжу с тоской на серый дом,
Вокруг глазами зыркаю:
Обзавестись бы мне углом
Над знаменитой Выркою*.

Я мог смотреть бы без помех
На Висельную горку
И вспоминать с печалью тех,
Кому там было горько.

Я посещал бы ближний храм,
Святых отцов и братцев.
А значит — не рискнул бы там
До чертиков набраться.

Признался бы во всех грехах,
Во всех хмельных историях,
Поскольку в десяти шагах
Порог профилактория!

* Пересохший древний ручей в г. Мценске.

* * *

Бесшумно и беспечно
В провинции живу.
Раскочегарю печку,
Соседа позову.

Сидим, дымим, хохочем,
Все жарче спор ведем.
«Перцовочку» прикончим,
«Зубровочку» начнем.

Уже в глазах троится
И тянет к небесам.
Еще бы полечиться,
Да чем, не знаю сам.

* * *

Дубовый листок оторвался
от ветки родимой.

М. Ю. Лермонтов

Уже устал изрядно,
Уже убил полдня.
Обидно и досадно,
И злость берет меня.

Ни заячьих, ни лисьих
Не нахожу следов.
Лишь лист дубовый высох
И блудит меж кустов.

Подкрадусь незаметно
И разряжу патрон,
Чтоб от родимой ветки
Не отрывался он!

* * *

Барсик шлялся, как урка,
По задворкам села.
Разобиделась Мурка
И к другому ушла.

От такой передряги,
От студеной росы
У кота-бедолаги
Побелели усы.

КОМАР

Спешу заречным лугом
В соседнее село.
Комар зудит над ухом
Занудливо и зло.

Привязчивый и шалый,
«Иду на Вы!» — грозит.
Видать, он честный малый,
А все же паразит!

* * *

— Опять расквохталась, дуреха? —
Отчитывала куру мать
Да по голяшкам недотрогу
Давай крапивою ласкать.

Не пережив лихого горя,
Не понимая, в чем вина,
Исчезла курица с подворья,
Как в воду канула она.

Никто не ждал такого случая,
А тут сбежалось полсела:
— Смотри, что кура отчебучила:
Цыплят готовых привела!

— Вот это кура, это кура! —
Распетушился сивый дед
И поглядел на бабку хмуро:
— Тащи-ка беженцам обед!

ГУСАК

Отведал травинок в саду,
Хлебнул из корыта водицы,
И снова помчался к гнезду,
Как будто из-за границы.

О ком он мечтает, чудак,
О дочери или о сыне?
Заржал очумело гусак,
Заслышав птенца под гусыней.

Он крыльями бьет о порог,
Орет торжествующе-пылко.
Да он враскатуху бы мог,
Когда б подвернулась бутылка!

* * *

Когда случалось в доме горе
Или запой у старика,
Она, не ссорясь и не споря,
Брала понюшку табака.

И горя вроде не бывало,
И вроде радостней житье.
И бабка нюхала и чхала
На горе горькое свое!

* * *

Срываюсь поневоле
И матерюсь в сердцах,
Что снова сахар в поле
Валяется в буртах.

Замаяли осадки,
Погода подвела:
В грязи увязли грядки,
Колеса и дела.

Уже никто не ахал,
Давно смирились с тем,
Что снег засыпет сахар,
А снегу хватит всем!

* * *

Мужик, носатый и культяпый,
Догадлив и находчив был:
Взял да полвыгона оттяпал
И для порядка застолбил.

Такого сроду не бывало!
Недаром, осердясь всерьез,
Красавка рогом корчевала
Из бугорка проросший нос.

Лишь птаха певчая не плакала
И гнев не выдавала свой,
А просто села и накакала
На серый столбик межевой.

* * *

Тополь радовал людей
Сказочным величьем,
Сочной зеленью ветвей,
Щебетаньем птичьим.

Серебристо-мягкий пух
Падал у порога.
Разнесла недобрый слух
Глупая сорока.

Замочили старика,
Чтобы он отныне
Не смотрел бы свысока
На ларьки и дыни...

ПОРТРЕТ НА СТЕНЕ

Проруха за прорухой,
В хозяйстве кавардак:
И руки — словно крюки,
И ноги — враскоряк.

Теперь сиди и кисни,
Срами дурную власть.
Она от этой жизни
На стенку взобралась!

* * *

Посреди Большой земли
Жившие без крова
Люди с горя нарекли
Станцию Хреновой.

Оправдалось всерьез
Здесь срамное слово:
Загремел под откос
Товарняк хреновый.

Обожгла людей зима
Стужею суровой:
Рухнул прямо на дома
Самолет хреновый.

Замолив свои грехи
Перед властью новой,
Разбитные мужики
Лезут в штрек хреновый.

Расстрелял караул
Часовой бедовый.
Перебрал и заснул
Генерал хреновый.

Русь, распятая дотла,
Стала зоной риска.
Сплошь хреновые дела
У царя Бориса!

* * *

Любопытный люд скулит:
Что собачий год сулит?
Отвечаю прямо —
Без вранья и срама.

Все у матушки земли
По земной науке:
Оборзеют кобели,
Расплодятся суки!

* * *

Затянув ремень потуже,
Я дивлюсь, разинув рот:
Боже мой, по грязной луже
Деревянный рубль плывет!

Этой чуркою смоленой
Рынок до смерти забьет
Заморенный, зачумленный,
Зареформенный народ.

СТРАХ

Вернулся с того света
На этот грешный свет
Заведомо отпетый
Российский президент.

Взирал довольно долго
Окрест родимый наш:
Повсюду барахолка,
Повсюду ералаш!

Как будто в дивной сказке,
Протяжный звон и гуд:
Шахтеры лупят в каски,
В кастрюли бабы бьют.

Коряки, чукчи, ненцы
Впадают вновь в тоску.
Беснуются чеченцы
И рвутся на Москву.

Укрылся внук в Сорбонне,
В надежном месте дочь,
А самому на троне
Становится невмочь.

Испуганно-косые,
Глаза ему не врут:
На Кремль со всей России
Коричневые прут!

* * *

Прохиндей Всея Руси
С лихостью гусарской
Лез в крови и лез в грязи
За короной царской.

За кремлевскою стеной
Падая на шпалы,
Власть грабастал пятерней
Фарисей трехпалый.

Возвышаясь до небес
По стезе опасной,
Очутился мелкий бес
В подворотне грязной.

Ждет заблудшего царя
Вместе с рыжей братией
Не державная заря,
А подвал Ипатьева!

* * *

Собирала Русь наречья,
Как по сосенке в бору:
Обучала русской речи,
Русской вере и добру.

Не жалея сил и крови,
Хлебной крохою делясь,
Русь заботилась о кроне,
Укрепляла круто власть:

То мечом, то автоматом,
То плевками батарей,
Чтоб не крыла русским матом
Чудь своих учителей!

* * *

Ударилась вешняя птица
В политику и в любовь:
То дружелюбно клубится,
То задирается в кровь.

Разбойный и неуклюжий,
На грязное дело мастак,
По-черному мочит в луже
Соседскую утку гусак!

ЧЕРНЫЙ ЮМОР

Правда, грубая и злая,
Зубоскалит и разит,
Черный юмор выдавая,
Как житейский дефицит.

От него никто не умер,
Не сошел никто с ума.
Чем чернее в жизни юмор,
Тем светлее жизнь сама!

Экспромты

* * *

Людмиле Москалевой

Мы не очень знамениты
И не шибко прыткие,
Но и мы не лыком шиты,
А суровой ниткою.

Эту нитку мать сучила
Вечерами длинными,
Чтобы — никакою силой,
Никакими ливнями!

* * *

Людмиле Москалевой

Мы не очень знамениты
И не шибко прыткие,
Но и мы не лыком шиты,
А суровой ниткою.

Эту нитку мать сучила
Вечерами длинными,
Чтобы — никакою силой,
Никакими ливнями!

* * *

Вадиму Еремину

Строчки далеко не колдовские
Часто превращаются в стихи.
Не ищи в них чисто городские
Или деревенские штрихи.

Снова сердце затаенно бьется,
Каждой клеткой доказать спеша,
Что вовек была и остается
Родиной поэзии душа!

* * *

Геннадию Попову

В погожий день
И в день ненастный —
В любое время
Дом наш — красный!
И освятить его порог
Рискнул довольно дерзкий Бог.

А у дверей безбожный Фет
Глядит в закат,
Глядит в рассвет
И размышляет, может быть,
Как черту премию всучить!

* * *

Александру Лысенко

Пусть наши дни осатанели,
Мы устоим на вираже.
Не гас бы свет в конце туннеля
И в нашей горестной душе.

Не оглушителен, не ярок,
Он ровно светит над землей.
Спасибо Богу за подарок,
За свет земной и неземной!

* * *

Александру Логвинову

Мы живем в забытой стороне
Со своей душой наедине.

Русская поруганная глушь
Не для слабых и ленивых душ.

Может статься, в этой глухомани
Мы воскреснем в песне иль в романе!

* * *

Валерию Михееву

Буря крышу сорвала,
Отшвырнула матицу.
Горемычные дела
По деревне катятся.

Без прорухи и греха
Не бывает сущего.
Только жаль мне петуха,
Под топор бегущего!

* * *

Евгению Дербенко

Сыграй и спой, Петрович,
Чтоб в сердце вспыхнул свет.
Дороже всех сокровищ
Мне песня с детских лет.

Безбожник и проказник,
Я только ей молюсь:
Без песни свет погаснет,
Во тьме исчезнет Русь!

* * *

Валентину Александрову

Не торопись добро везде
Разбрасывать горстями,
Чтоб не распяли на кресте
Калеными гвоздями.

Не пожелаю никому
Чужой печалью маяться.
Уж лучше в жизни самому
За всех грешить и каяться!

Греши и кайся до поры,
Лишь только помни строго,
Что дальше Висельной горы
Не убежишь от Бога!

* * *

Валерию Фомочкину

Что было, то уплыло,
Осталась боль одна,
Что всех нас разделила
Кремлевская стена.

На ней не хватит места,
Чтоб перевешать всех,
Кто совершил известный
Иль потаенный грех!

* * *

Ольге Горбатовой

Все ждут от Бога чуда,
А чуда нет и нет.
Беззубо и без зуда
Взираем мы на свет.

Врачуй с холодной страстью
Чужой бесхозный рот,
Чтоб крепче и зубастей
Российский был народ!

* * *

Миценскому музею

Пусть жизнь бездарна и груба,
Не обижай меня, судьба:
Не уводи меня в музей
Ни от врагов, ни от друзей.
Мне дорог на закате лет
Незастекленный грешный свет!

ВЕСНУШКИ

* * *

Не спрямляйте реки, человеки!
Кривизна — от Бога — хороша.
Даже в идеальном человеке
Дьявольски извилиста душа!

* * *

Не дай мне, Боже, мастерства,
Избавь от шустрого искусства.
Пускай рождаются слова
Из непосредственного чувства.

* * *

Порой высыпают веснушки
У музы моей озорной,
Похожие на конопушки
От пыли пороховой...

* * *

Дурманят маковки церквей,
Как маковое млеко,
Сердца и головы людей
В конце чумного века.

* * *

Ох, беда, беда, беда —
Расплодились господа.
Значит, время, братцы,
Нам за метлы браться!

* * *

Не найти хитрее, гаже,
Вороватей мужика:
По привычке хапал даже
Колорадского жука!

* * *

Подскочили нынче цены:
Глянешь — можно онеметь.
Разобью очки о стену,
Чтоб на цены не глядеть!

* * *

Горько братии завидуя,
Вспыхнет мученик пера:
— Хватит рюмки опрокидывать —
Остаканиться пора!

* * *

На Руси извечно борода
Украшала злого и веселого.
Только настоящая беда,
Если у кого-то борода
Перевешивает голову!

* * *

То хрипит, то визжит,
То вихляет похабно.
Говорят, что мужик,
А по-моему — баба!

* * *

Все воронье слетелось
На пир среди чумы.
Слетелось и распелось:
«Россия — это мы!»

* * *

Дуралея дуролом
Заменил на троне,
А холопы оземь лбом,
Как живой иконе.

* * *

В стране холопов и рабов
Вся власть у Бога и Дубов.
Жаль, что не видится пока
Ни Разина, ни Спартака.

* * *

В Минске, в Киеве, в Москве
Положенье ахово.
Не по ихней голове
Шапка Мономахова!

* * *

Ни бродяге, ни пророку,
Ни отпетой сатане
Не указывай дорогу,
Возвышаясь в стороне!

О СЕБЕ

Я появился на свет божий 15 февраля 1932 года в захолустной мценской деревушке Гудиловке, затерявшейся среди ракит и черемух.

Бабушка говорила, что это было Сретенье: весна встречалась с зимой, ярко светило солнце, с крыши падала капель. О бабушке осталась добрая память. Она знала уйму сказок. В долгие зимние вечера я слушал ее с замиранием сердца.

Война оборвала детство. Навсегда запомнились крапивные немецкие шинели, обжигающие глаза, пыльные и грязные дороги, уводящие из родного дома, дырявые лесные шалаши, где коротались бессонные ночи.

В двенадцать лет пахал землю, косил луга, возил копны. Мне нравилось отбивать косы, справлять грабли, мастерить тележки. Мужчины были на войне. Женщины изливали грусть в песнях. Частушки и песни были моей страстью. Они до слез волновали меня и побуждали к творчеству. Первая рифма настигла меня за школьной партой.

В 1948 году уехал в Тулу. Здесь прошла юность. После окончания пединститута учительствовал на Алтае. Служил в армии топографом, сдружился с мерной лентой и теодолитом. Всякое повидал и пережил. Меня всегда неудержимо тянуло домой: помечтать у тургеневского дуба, погреться у ребячьего костра на Бежином лугу, подышать буйной фетовской сиренью.

С 1958 года живу во Мценске. Был учителем, директором школы, инспектором роно. Встречи с людьми, знакомство с их жизнью давали живой материал для творчества.

Первое стихотворение было напечатано в 1951 году в альманахе «Литературная Тула». Публиковался в областных газетах и сборниках, а также в журналах «Смена», «Подъем», «Москва», «Звезда», «Наш современник».

В 1970 году был принят в члены Союза писателей СССР. Выпустил десять книжек стихов и прозы: «Подснежник» (1963), «Земляника» (1966), «Ясень» (1969), «Анютины глазки» (1972), «Снежедь» (1974), «Ядринка» (1974), «Живые зерна» (1977), «Журавинка» (1981), «Щеглы» (1991), «Свет» (1997).

Все эти книги близки и дороги мне, однако лучшая остается пока мечтой.

Большинство стихов, составивших эту книжку, родились в последние годы в Гудиловке. Я по-прежнему кровно связан с родной деревушкой, где осталось всего два двора. Вероятно, скоро она совсем исчезнет с лица земли, а ее название сохранится только в моих стихах.

Иван Александров.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЕЛЕНЫЙ ХОЛМ

Уголок 7
Земля 9
Живые зерна 11
«Несерьезный человек...» 12
Мольба 14
Побирушка 15
Взводный 18
«Было тридцать дворов под солому...» 20
Портрет 21
Почетный караул 23
Тишина 25
«Моя гудиловская келья...» 26
Зорька 27
Дочка 28
«Дрозды на грядки зарились...» 29
«Был сад пушист и светел...» 30
«Не видать рождественских морозов...» 31
Молебен 32
«С утра хмельные мужики...» 33
«Устав хлопотать и заботиться...» 34
«Дед вынянчил плетушку...» 35
Газ 36

«Слишком долго автострада...» 37
Исповедь 38
«Опираясь горестно о палку...» 39
«Порой наяву померещится...» 40
«Погожей июльскою зорькой...» 41
Сон 42
«Я снова август размотал...» 43
«Все реже радуют меня...» 44
«Голубело небо между ветел...» 45
«Незримо натужатся вены...» 46
«Зимою деревенской...» 47
«Оказалась весна-недотрога...» 48
«Любил это поле народ...» 49
«Автобус бежит по дороге...» 50
Рыжий Глеб 51
Разлука 52
Забава 54
«В пекле этого ада...» 56
Квочка 57
«Лежу, укрытый холодком...» 58
«Ужаленный ветер сердито...» 59
«Мне плетневый сарай у подвала...» 60
«Умерла Гудиловка...» 62
«Суковат я, суковат...» 63
«Я последний поэт деревни!..» 65
Зима 66

Тревога 68
Поклон 69
Сверчок 72
Переполох 74
Тележка 75
«Где тот дремучий травостой?..» 77
«Хранит печальная держава...» 79
Реквием 80
Прощай и помни 82
Брестская крепость 84
Святые имена 86
Пушкари 87
«Я узнаю его по форме...» 88
«Под старою ракитой...» 89
Мост 91
Фрицы 93
Аринкин хутор 95
Тиф 97
Риск 99
«Дороги днем и ночью...» 100
Пучок калины 101
«Слышен треск на всю округу...» 103
«Усталость свою переспорю...» 104
Коврижка 105
«Позаросли окопы...» 106
Корни 107

«Я торопился, я метался...» 108
«Я отвык от нежностей сугубых...» 109
«Победа!..» 110
«За околицу фронт зацепился...» 111
«Загадочно игривая...» 113
«В знакомой роще на опушке...» 114
«Дымовую паутину...» 115
«Сербиянка, сербиянка...» 116
«Четыре дуба в Пушмине...» 118
«Все смешается во мгле...» 119
Зеленый холм 120

РУБЕЖ

Грешники 125
Жуть 126
Вина 127
Кабан 128
Бедокур 129
Лебедь 130
Птичий блуд 131
Стратег 132
Пес 133
Похмелье 134
«Шли мирные отряды...» 135
Чужие 136

Рождество 138
Вятич 140
Палка 141
«Народ от Бога ждал чудес...» 142
«Смешной девчушке снится брат...» 143
«Все глубже и безутешней...» 144
«Беженцы...» 145
Гость 146
«Снова встреча без галстуков...» 148
Христос 149
Воробей 150
«Скажи мне, ветка Палестины...» 151
Дезертир 152
«Спокойной ночи, малыши!..» 153
«Игрив и ласков голос...» 154
Красный барон 155
«И снова до боли знакомо...» 156
Бивни 157
«Беснуется перед глазами...» 159
Дежурство 160
«Апрель задохнулся от чоха...» 161
Дикари 162
«Дядя по полю бродил...» 164
«Шумел блокадник, тужась...» 165
«Распознаю их по сноровке...» 166
«Кремлевская рыжая птица...» 168

«Кроты Россию источили...» 169
Зюганка 170
Набат 171
«Обманули Россию...» 172
«В последний год тысячелетья...» 173
Рубеж 174
«Трансферт, секвестр, приватизация...» 176
«В царстве русских полей...» 177
У лукоморья дуб зеленый 178
Дочь 180
Мужья 181
Ночь 182
Конь 183
Матушка 184
Возвращение 186
«Я тону в житейском море» 187
«Опять в усадьбе Фета...» 188

ПОЗДНЯЯ МЕТЕЛЬ

«Мне прямо в сердце метели...» 191
«Бесшабашной тройкою промчалась...» 192
«Ты в тоске моей не виновата...» 193
«Мне эти березы знакомы...» 194
Ласточка 195
«Отлюбило сердце, отлюбило...» 196

Зеленая грусть 197
«Я раскаялся горько теперь...» 198
«Мы с тобой дружили с детских лет...» 199
«Любовь обнимают до хруста...» 200
«Девочки хорошие...» 201
«Изведав боль душевной раны...» 202
«Забыв о пыльных васильках...» 203
«Мы о звезды с тобой обожглись...» 204
«Обмануть доверчивую душу...» 205
«Рано ты меня похоронила...» 206
«Знать, поверив глупой сплетне...» 207
«Снится мне ненастными ночами...» 208
Поздняя метель 209
«Я был отчаянным тихоней...» 211
«За окном крещенские морозы...» 212
«Душа запуталась в кусту...» 213
«Не отрываюсь от земли...» 214
«Не шучу. Не спорю. Не перечу...» 215
Канавка 216
Тенек 217
Петров день 218
«Всякой твари — по паре...» 219
«По осиннику, по орешнику...» 220
Сосна 221
«Ну бросай к чертям, бросай...» 222
Вьюга 224
«В конце весны, в начале лета...» 226

БЕССМЕРТНИК

«От городских переживаний...» 229
«Природа, ты — моя больница...» 230
«Этот лес подарен мне в наследство...» 231
«Погляди: за речкой...» 233
«Куда девались те орловские...» 234
Подорожник 235
«В туманном просторе вечерних полей...» 236
«Соберу и уложу в рюкзак...» 237
«Желтою пупавкой...» 238
«На выгоне ребята...» 239
«Бурчит река сердито...» 240
«Затаив тяжелую обиду...» 241
«Березка надела зеленый убор...» 242
«Пылает жарко белый донник...» 243
«Грозовая туча...» 244
Бессмертник 245
«Леса золою серой...» 246
Лисичка 248
«Мне сказали: под Рязанью...» 249
«Звала зеленая трава...» 250
«Плескались забавно мальчишки...» 251
«Пушистый снег запорошил...» 252
«День такой озорной и слепящий...» 253
«Снег свалился на рассвете...» 254

«Долго вьюги за окном гудели...» 255
Танок 256
«Калачики, калачики...» 257
«Тишина насторожилась хмуро...» 258
«Воркуя в заброшенной печке...» 259
«Тошнует ястреб на стогу...» 260
«За мною бегает индюшка...» 261
Аист 262
Горюха 263
«Гусак спешил на речку...» 264
Пушок 265
Братишка 266
«Уводит дальняя дорога...» 268
«Радуясь ребячьему азарту...» 269
«Невольно поведешь плечами...» 270
Рыжик 271
Любка 272
Перекресток 273
Урок 274
«Гляжу на реющие флаги...» 275
Подарок 276
«Скажи, упрямая девчонка...» 277
«Устали чертовски мальчишки...» 278
«Зарделась елка жарко...» 279
Завязь 280

ЧЕРНЫЙ ЮМОР

Язва
«Тюря...»
«Бывало, щеголяли девки...»
Плевок
Мастак
Мудрец
«Хватив в избытке лиха...»
«Обдав Россию жаром...»
«Гляжу с тоской на серый дом...»
«Бесшумно и беспечно...»
«Уже устал изрядно...»
«Барсик шлялся, как урка...»
Комар
«Опять расквохталась, дуреха?..»
Гусак
«Когда случалось в доме горе...»
«Срываюсь поневоле...»
«Мужик, носатый и культяпый...»
«Тополь радовал людей...»
Портрет на стене
«Посреди Большой земли...»
«Любопытный люд скулит...»
«Затянув ремень потуже...»
Страх

«Прохиндей Всея Руси...» 309
«Собирала Русь наречья...» 310
«Ударилась вешняя птица...» 311
Черный юмор 312

ЭКСПРОМТЫ

«Мы не очень знамениты...» 315
«Строчки далеко не колдовские...» 316
«В погожий день и в день ненастный...» 317
«Пусть наши дни осатанели...» 318
«Мы живем в забытой стороне...» 319
«Буря крышу сорвала...» 320
«Сыграй и спой, Петрович...» 321
«Не торопись добро везде...» 322
«Что было, то уплыло...» 323
«Все ждут от Бога чуда...» 324
«Пусть жизнь бездарна и груба...» 325
Веснушки 326
О себе 330

Иван Александров

ПУЧОК КАЛИНЫ

Технический редактор *Г. В. Скорикова*
Корректор *Н. П. Новикова*
Художник *В. Михеев*

Подписано в печать 27.10.2001 г. Формат 70x90$^{1}/_{32}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,58.
Тираж 1200 экз. Заказ № 6680.

Издательство «Вешние воды»
Лицензия ИД № 01064 от 25.02.2000 г.
302028, г. Орел, ул. Салтыкова-Щедрина, 1.

Отпечатано в ОГУП «Орловская областная типография «Труд».
302028, г. Орел, ул. Ленина, 1.